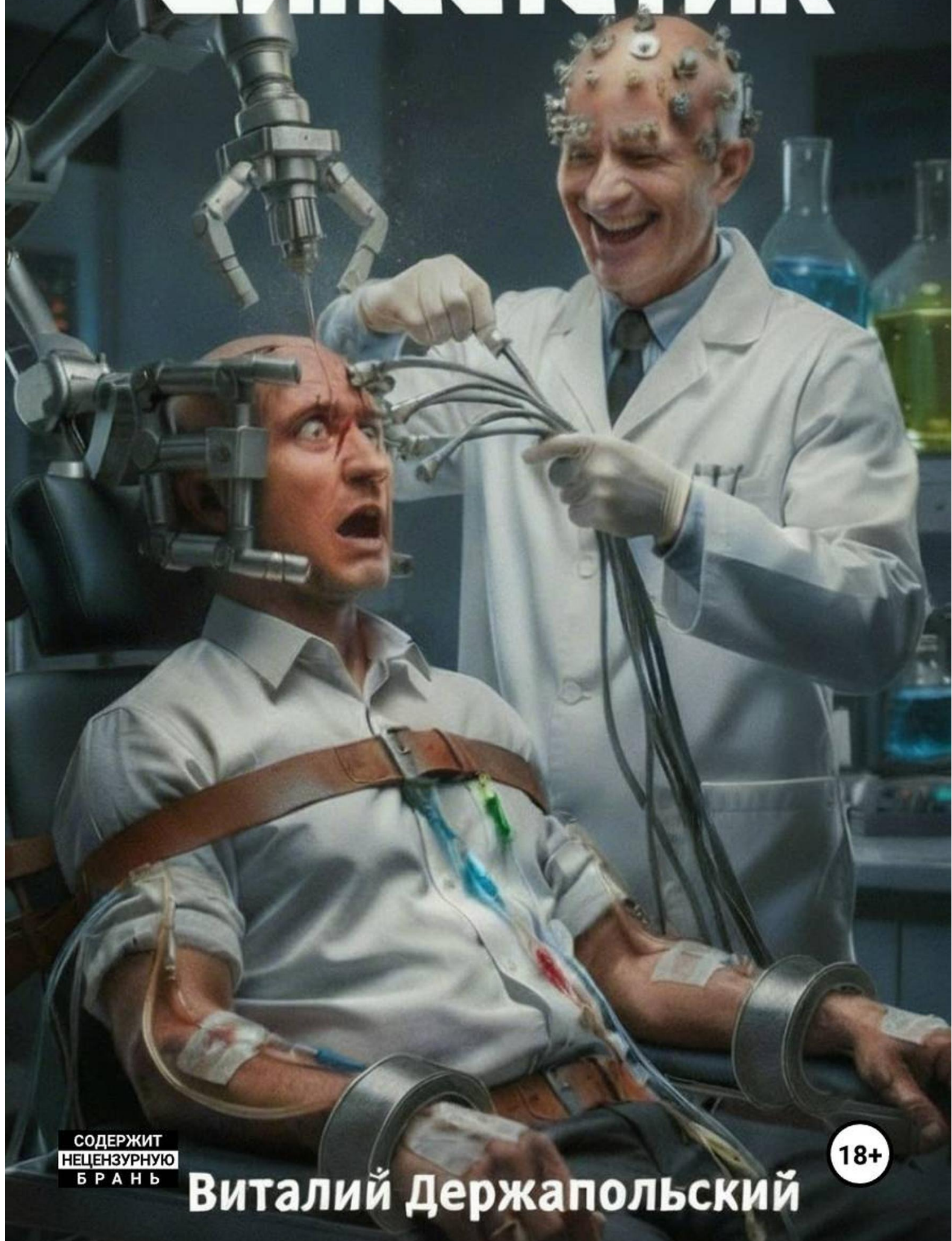

СИНЕСТЕТИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Виталий Держапольский

18+

Виталий Держапольский

Синестетик

«Автор»

2026

Держапольский В.

Синестетик / В. Держапольский — «Автор», 2026

Его не просто оставили без любимой женщины, квартиры и работы, а насильно вырвали из привычного мира, лишили собственного тела и зрения, заставили черпать ядовитое дерьмо дырявым ведром. Но он не сдался и не сломался, несмотря на потерю глаз и постоянные издевательства. Он поклялся выжить и перегрызть глотки врагам! И он сделает это даже слепцом, ведь он - синестетик...

© Держапольский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виталий Держапольский

Синестетик

Глава 1

– Дома! – открыв входную дверь в собственную квартиру и выдохнув с облегчением, в прихожую ввалилась Валерия – молодая, симпатичная, но одинокая и «уставшая» женщина. – Наконец-то этот кошмарный день закончился!

Закрыв за собой дверь и включив в коридоре свет, она положила сумочку на тумбу перед зеркалом и, с выражением глубочайшего блаженства на лице, скинула с ног туфли на высоком каблуке. Не заморачиваясь уборкой верхней одежды в шкаф, она бросила соскользнувший с плеч мокрый от дождя плащ на тумбочку рядом с сумкой и уставилась на собственное отражение в зеркале. Эмоции, отразившиеся на лице двойника, выдавали крайнюю степень недовольства внешним состоянием оригинала.

– Глаза ввалились... Мешки... – Валерия приблизила симпатичное личико к зеркальной поверхности и недовольно поморщилась. – Помада размазана...

Она открыла тумбочку и, вытянув из упаковки салфетку, судорожным движением стерла помаду с пухлых губ. Не глядя, бросила использованную салфетку на полку рядом с сумочкой.

– И морщинки, морщинки... Я превращаюсь в старуху! Тебе, красавица, – Валерия прикоснулась кончиком указательного пальца к носу своего отражения в зеркале, – пора в отпуск!

Раздавшая трель дверного звонка, оторвала женщину от недовольного созерцания увядания былой красоты и молодости.

– Нет! Только не сегодня! Ничего не хочу, даже секса... – Отвернувшись от зеркала, она подошла к двери и, не глядя в глазок, щелкнула замком. – Коля, давай не сегодня... – произнесла она, открывая дверь. – Ой... – Валерия слегка напряглась, обнаружив вместо ожидаемого любовника, стоявшего на пороге «подтянутого» короткостриженного незнакомца с ежиком седоватых волос. – А вы, мужчина, к кому? – она не без интереса пробежалась по довольно приятной физиономии незнакомца с немного резкими чертами лица и холодным взлядом блеклосероголубых глаз.

– Если вы – Валерия Лопатина, то к вам, – незнакомец «растянул» губы в приветливой улыбке, но она отчего-то вышла какой-то кривоватой.

– Это срочно? Если нет, давайте встретимся завтра. Я сегодня очень устала...

– Не хочу вас огорчать, но эта встреча очень для меня важна, – не вынимая рук из карманов элегантного черного плаща, твердо и настойчиво произнес незнакомый гость.

– Говорите, уж... если так приперло... – забыв о приличии, зло произнесла Валерия и тоскливо вздохнула.

– Может быть, пригласите? – Незнакомец движением головы указал внутрь квартиры. – Неудобно, как-то, на пороге...

– Я незнакомых мужчин в квартиру не пускаю! – отрезала Валерия.

Мужчина делано «расстроился» и пожал плечами:

– Жаль. Придется самому...

Не дожидаясь от девушки ответной реакции, он стремительно выдернул из карманов руки, облаченные в мягкие кожаные перчатки. В одной руке незнакомец сжимал шприц с оголенной иглой. Свободной же рукой он обхватил Валерию за затылок и резко подтянул к себе. Затем воткнул шприц ей в шею, ловко утапливая поршень. Придержав обмякшую женщину, чтобы она не грохнулась на лестничную площадку, незнакомец толкнул её в квартиру и закрыл за

собой дверь, предварительно бросив взгляд на лестничную клетку. Свидетелей нет. Язычок замка автоматически щелкнул, отсекая квартиру Валерии от остального мира.

В прихожей мужчина подхватил бесчувственную девушку на руки и перенес в комнату, где «усадил» безвольное тело на диван. Голова Валерии запрокинулась на расслабленной шее. Однако глаза девушки оставались открытыми – укол лишь обездвижил её, не отключая сознания. От случайного нажатия телевизионный пульт, так же лежавший на диване, включил дотоле молчавший телевизор. Мужчина что-то недовольно прошипел и поднял «лентяйку», намереваясь отключить телевизор, транслирующий какую-то развлекательную передачу. Но происходящее на экране его неожиданно заинтересовало. Он отложил пульт и уселся на диван, уставившись в большой экран жидкокристаллической панели.

Трансляция шла из заполненной зрителями студии. На сцене в глубоких креслах друг против друга сидели двое: известный на всю страну лощеный ведущий и худощавый мужчина со скупыми, слегка угловатыми движениями, одетый с педантичной безукоризненностью – гость программы.

– Немыслимо! – пораженно воскликнул ведущий – Роман, вы смогли повторить тысячу никак не связанных между собой слов! Как вам удалось этому научиться? У вас какая-то своя методика скоростного запоминания? Так сказать, личное ноу-хау...

Нет никакой методики, – гость отрицательно качнул головой, – это просто особенность моего организма. Как говорят медики – нейрологический феномен. Обычному человеку очень сложно запомнить такой объем никак не связанной между собой информации, мне же наоборот, будет очень сложно её забыть. Придется приложить массу усилий... – Роман «виновато» улыбнулся и развел руками.

– Вы хотите сказать, что ничего не забываете? Уточнил ведущий. – Если не приложите определенных усилий?

– Верно, – подтвердил гость.

– Поразительно! Многие из нас хотели бы обладать такой... хм... особенностью организма. Представьте, насколько облегчилась бы участь школяров-студентов? Что же это за нейрологический феномен? – задал он очередной вопрос гостю.

– Это одна из форм синестезии.

Мужчина на диване увлеченно поерзал и добавил звук.

– Очень интересно... – Он поправил запрокинутую голову Валерии, фокусируя её взгляд на телевизоре, а затем нежно провел рукой в кожаной перчатке по её щеке. – Дорогая, ты никуда не спешишь? Досмотрим передачу? Ведь он такой же, как и ты...

Мужчина расслабленно откинулся на спинку дивана и продолжил просмотр телепередачи.

– Так что же такое – синестезия? – задал ведущий очередной вопрос.

– Синестезия – это нейрологический феномен, – ответил гость программы, – при котором раздражение в одной сенсорной или когнитивной системе ведёт к автоматическому, произвольному отклику в другой сенсорной системе...

– А если по-простому?

– По-простому... – задумался Роман. – Представьте, что слушая музыку, вы ощущаете на языке вкус карамели, вдыхая запахи, видите их визуальную форму и наполнение... Понедельник – белый, вторник – зеленый, желтая среда...

– Подождите-подождите! – прервал его ведущий. – Это все ваши ассоциации?

– Я так вижу! – пожал плечами Роман. – Для обычного человека это звучит странно, но любой синестетик меня с легкостью поймет! Это – лишь разные формы синестезии.

– И сколько же таких форм?

– Много. Я перечислю лишь некоторые, самые распространенные: графемно-цветовая – буквы и цифры даже в черно-белом тексте для меня цветные. Хромостезия – объединение зву-

ков и цветов. Многие известные композиторы и музыканты обладали цветным слухом. Например: Скрябин и Римский-Корсаков, Лист. Есть и менее распространенные формы, такие, как синестезия зеркального прикосновения...

– Что это?

– Это такая особенность, при которой люди в буквальном смысле чувствуют те же ощущения, что чувствует другой человек, – пояснил гость. – К примеру, когда такой синестет наблюдает, как дотрагиваются до чье-то плеча, он также невольно чувствует прикосновение к своему собственному плечу.

– Вы также обладаете такой особенностью?

– Да, я могу чувствовать, даже не наблюдая... – Кивнул Роман.

– Серьезно? – не поверил ведущий. – Можете продемонстрировать для зрителей? – попросил он.

– Да.

– Ширму в студию! – громко крикнул ведущий.

Появившийся помощник ведущего выкатил на сцену передвижную ширму, которой отгородил друг от друга кресла ведущего и гостя. Установив её, помощник незаметно удалился.

– Есть желающие в зале? – произнес ведущий, полнимаясь со своего места.

В зале поднялось несколько рук. Ведущий, подойдя к краю сцены, внимательно оглядел зал. – Вот вы, мужчина, выходите! – указал он на тучного и абсолютно лысого мужика лет пятидесяти, сидящего во втором ряду.

Мужчина, отдуваясь, тяжело поднялся по ступенькам, ведущим на сцену.

– Присаживайтесь на мое место, – предложил ведущий.

Зритель тяжело «упал» в опасно заскрипевшее под его весом кресло. Ведущий подвигал ширму вперед-назад, убедившись, что вышедший на сцену зритель и Роман не видят друг друга. Сам же ведущий остался на границе, чтобы в его поле зрения оставались оба «подопечных».

– Вам что-нибудь нужно, чтобы настроиться? – обратился он к Роману.

Немков качнул головой:

Нет. Можете начинать.

Ведущий кивнул тучному мужику – «мол, начинай». Приглашенный зритель провел рукой по лысой голове. Роман с едва заметной задержкой синхронно повторил его движение. Мужчина прикоснулся к кончику носа, Роман тоже. Зритель положил руки раскрытыми ладонями на колени – главный герой программы, чуть-чуть отставая, повторил его движение.

Ведущий жестом вызвал на сцену давешнего помощника, так, чтобы его никоим образом не сумел увидеть тестируемый гость. Подойдя к помощнику, ведущий что-то прошептал ему на ухо. Помощник кивнул, подошел к зрителю и пожал тому руку.

– Другой человек пожимает ему руку... – озвучил Роман.

Ведущий взмахнул руками, заканчивая испытания:

– Bravo! Достаточно! Всем спасибо!

Зритель, опираясь руками на подлокотники кресла, с трудом поднялся на ноги и возвратился в зал. Помощник укатил ширму со сцены.

– И еще, уважаемый! – в спину уходящему зрителю произнес Роман. – У вас острая боль в правом боку. Проблемы с печенью, не так ли?

Удивленный зритель оборнулся и утвердительно кивнул.

– И поясница: по-моему, грыжа? – продолжил Роман.

Зритель вновь согласно кивнул, выпучив от удивления глаза:

– Да, все верно!

– Поразительно! – вновь перехватил инициативу ведущий. – У нас совсем не осталось эфирного времени, но мы постараемся пригласить нашего гостя еще раз. И напоследок, скажите, Роман, может ли простой человек обрести такие сверхвыдающиеся способности?

– Увы, но скорее всего, нет. Все особенности – врожденные. Я читал о проявлении синестезии у некоторых людей, получивших серьезные травмы головного мозга. Подобный опыт могут так же переживать люди, принимающие сильнодействующие наркотики или лекарства.

– Печально, – картинно вздохнул ведущий, – но эти методы нам не подходят. Так в чем же все-таки секрет синестезии?

– О развитии синестезии практически ничего неизвестно, существуют только предположения... – произнес Роман. – Среди ученых бытует мнение, что все младенцы – синестеты, однако, взрослея, только порядка четырех процентов сохраняют эту особенность. Нейрофизиологи до сих пор не пришли к единой точке зрения, почему это происходит. Есть версия, что проводящие нервные пути в мозге синестетика по каким-то причинам не наращивают миелиновую оболочку, которая играет роль изолятора и предотвращает рассеивание нервных импульсов. В результате отсутствия изолирующего вещества, нейроны, отвечающие за разные органы чувств, начинают спонтанно обмениваться электрическими импульсами, откуда и возникают странные взаимосвязи между ощущениями.

– То есть, нервные импульсы, исходящие из органов, допустим, обоняния, попадают в зрительный отдел коры головного мозга, и человек, в прямом смысле этого слова, может увидеть запахи?

– Да, но это лишь одна из теорий. Но я думаю, что она верная. Все дело в электрических импульсах. Именно так я смог в полной мере прочувствовать ощущения совершенно постороннего человека – наши нейронные сети вошли в резонанс.

– К сожалению, время нашей передачи истекло. Напоминаю, у нас в гостях был финансист-трейдер, синестет Роман Немков. Мы прощаемся с вами...

Щелкнув кнопкой дистанционного пульта, мужчина погасил светящийся экран телевизора.

– Ну... очень интересный экземпляр, – задумчиво произнес он. – Нужно будет обязательно с ним «познакомиться». Но только после тебя, крошка! – обернувшись к обезвиженной Валерии, по щеке которой скатывалась слезинка, произнес он. – Я, как-никак, джентльмен: дамы вперед!

Некоторое время спустя

Утро в городском парке выдалось на редкость безоблачным. Яркое летнее солнце щедрой рукой дарило животворящий свет и тепло после предыдущей ненастной недели. По большой аккуратно подстриженной лужайке носился взад-вперед мальчишка лет двенадцати, играя в мяч со своей собакой. Не рассчитав сил, мальчишка сильно наподдал по мячу. Спортивный снаряд отлетел в сторону и попал в голову девушке в черных очках и вязаной шапочке, сидевшей на лавочке рядом с лужайкой. Отскочивший от её головы мячик отлетел под ноги к поджарой девушке-спортсменке, нарезающей по парку круги в это ранне безоблачное утро.

– Ты что творишь, сопляк? – выругалась, остановившись, спортсменка, едва не перелетев кувырком через мяч.

– Я нечаяно, извините! – крикнул мальчишка, направляясь к прогулочной дорожке за ускокавшей игрушкой.

Голова сидевшей на лавочке девушки от удара мяча, безвольно упала на грудь, а шапочка и очки свалились на землю. Пес мальчишки неожиданно поджал хвост и глухо зарычал.

Спортсменка подняла мяч и, бросив его мальчишке, предупредила:

– Смотри у меня, пацан, доиграешься!

Мальчишка, подхватив игрушку, поспешно ретировался. Спортсменка, заметив неестественную позу сидящей на лавке девушки, крикнула:

Девушка, с вами все в поря...

По мере приближения к лавочке, стала заметна не только неестественная поза, но и жуткая рана на выбритой «до блеска» голове, с которой свалилась вязаная шапочка. Спортсменка резко остановилась, словно наткнулась на прозрачную стену и, прижав руки к лицу, истошно закричала.

Перемигивались проблесковыми маячками служебные авто. Участок парка, окружающий лавочку, оцепили, огородив место преступления трепыхающимися на ветру полосато-желтыми ленточками. Повсюду сновали полицейские в форме, отгоняя от периметра оцепления собравшихся зевак. Над обезображенным телом Валерии «колдовал» судмедэксперт Пал Палыч Пирогов – слегка неопрятный лысеющий мужчина лет шестидесяти с седыми прокуренными усами. Рядом с Пироговым, стараясь не мешать эксперту, задумчиво стояли двое: начальник отдела по «особо тяжким» – майор Елена Кондратьева, невысокая, миниатюрная, но вместе с тем крепкая и спортивная женщина, несмотря на недавно отпразднованный тридцатипятилетний юбилей и её заместитель – капитан Петр Нестеренко, мощный, склонный к полноте мужчина, с добродушным, почти детским лицом.

Натянув на руки хирургические перчатки, Пирогов повернул голову Валерии к свету, рассматривая рану и странную татуировку-маркировку, представляющую собой нечто среднее между штрих-кодом и электросхемой.

– Даже без экспертизы могу сказать, – произнес судмедэксперт, – во всем этом чувствуется одна и та же рука! Трепанация черепа проведена безукоризненно! Прямо, как в учебнике по хирургии! Думаю, что и хирургический инструмент будет тем же.

Кондратьева удрученно кивнула:

– Значит, опять Вивисектор?

– Несомненно! – заверил начальницу Пал Палыч. – Ну и клеймо присутствует... Не думаю, что кто-то может это скопировать. Ну, а о повреждениях головного мозга жертвы – это уже в отчете. Здесь без микроскопа не разглядеть.

– Конечно, Пал Палыч, только не затягивай... – попросила Кондратьева.

– Елена Николаева, когда это я затягивал? – ворчливо спросил Пирогов, стягивая рук использованные перчатки.

– Не брюжжи, Пал Палыч! – отбрила судмедэксперта Елена Николаевна. – Ты же знаешь – это серия...

– Как только, так сразу! – не меняя тона, произнес Пирогов, защелкивая чемоданчик с инструментом. – Я в лабораторию, – безапелляционным тоном заявил он, удаляясь с места событий, – и не грузите меня другими делами, если нужно срочное заключение! Зовите кого-нибудь другого!

– Да иди уже, Палыч! – не выдержал Нестеренко. – С другими разберемся как-нибудь без тебя!

– Адъёс! – Пирогов приподнял старомодную фетровую шляпу и «исчез».

– Ну что, Петя, – произнесла Кондратьева, обращаясь к заму, – пятый случай за неполные два года... А у нас до сих пор ни-че-го... Ноль! Зеро! Дырка от бублика!

– Так-то оно так, Елена Николаевна... – Нестеренко с жалостью посмотрел на тело Валерии. – Жаль её, красивая... была...

– Давай, Петя, взбодрись и завязывай с сочувствиями, – встряхнула заместителя Елена Николаевна, – ей уже все – равно. Поскорее выясни личность потерпевшей.

– Так точно, пробьем отпечатки по базам, запросим данные о недавно пропавших...

– Действуй, Петя, действуй! – поторопила она Нестеренко. – Скоро высокое начальство с нас с тобой стружку снимать будет!

Атмосфера в кабинете начальника полиции накалилась до предела, разветолько не потрескивала электрическими разрядами. Во главе стола сидел хозяин кабинета – полковник Алексей Викторович Миклухин, седоволосый, сухошавый и жилистый мужик, «с рубленными» чертами лица. Однако сегодня он выглядел неважно: багровый цвет лица, набрякшие веки и пульсирующая жилка на виске, говорили о том, что с давлением у него беда – ткни иголочкой и зафонтанирует он не хуже пожарного брансбойта.

Недовольно оглядев исподлобья своих подчиненных, расположившихся перед ним за «столом переговоров»: Кондратьеву, Нестеренко, старшего лейтенанта Валентина Дроздова, маленького, неприметного «живчика» и длинного худого «студента» – лейтенанта Николая Перепелкина, Миклухин потер раскрытой ладонью грудь в районе сердца:

– Ну, что скажете, господа сыщики? Так понимаю, что хвалиться нечем?

– Так точно, нечем, товарищ полковник! – взяла на себя «первый удар» Кондратьева.

– Ну, чуда от вас я и не ожидал, – произнес с отдышкой полковник, – есть печальный опыт предыдущих четырех эпизодов... Гребаный Вивисектор! Ведь одной ногой я уже на пенсии был! А теперь? Видели бы вы реакцию губера... Ладно, слезами горю не поможешь, к делу, Кондратьева.

Елена Николаевна взяла со стола пульт ДУ и включила проектор. На экране появилась картинка с фотографией тела Валерии на скамейке в парке:

– Сегодняшним утром в городском парке было обнаружено тело Валерии Сергеевны Лопатиной, одна тысяча девятьсот девяностого года рождения...

– Ну, хоть личность быстро установили, слава Богу, – недовольно произнес Миклухин, потирая грудь в районеседца и расстегивая верхнюю пуговицу форменной рубашки.

– Лопатина пропала предположительно шесть дней назад, – продолжила доклад Кондратьева, – восемнадцатого числа. Именно в этот день её последний раз видели на работе. Человек она не особо общительный, замкнутый, даже немного странный, как поведдали её коллеги. И, когда она не вышла, особого значения этому не придали – с ней иногда случались приступы депрессии. Она в такие моменты ни с кем не общалась, отключала телефон, в общем, пропадала на пару-тройку дней. Но поскольку являлась она ценным специалистом в своей области, каких поискать, начальство смотрело на эти выкрутасы сквозь пальцы.

– Ясно, – кивнул Миклухин, – работу тянет и ладно.

– Первым забил тревогу её, как говорит молодежь, бой-френд – Николай Самохин, – произнесла Елена Николаевна.

– Сожитель? – поинтересовался Миклухин.

– Нет. Они были любовниками, но вместе не проживали. Регулярно встречались, Самохин даже несколько раз делал ей предложения, но она отказывала – дорожила уединенным образом жизни, даже ключи от своей квартиры ему не давала. Так вот, вечером девятнадцатого числа он решил её навестить. Дома не застал...

– А заранее он что, её не предупредил, что придет? – спросил полковник.

– Нет, Самохин пояснил, что она этого не любила. Говорила, что должен присутствовать в обыденной жизни элемент неожиданности...

Миклухин бросил взгляд на экран с телом Валерии:

– Да, о такой неожиданности она даже в жутком сне... Продолжай, Кондратьева.

– Не застав Лопатину дома, Самохин стал поджидать её на лавочке у подъезда. Прождал несколько часов, но она так и не появилась, на звонки не отвечала, свет в квартире не загорался.

– А родственники, дети? – продолжил задавать уточняющие вопросы Миклухин.

– Одинокая: ни семьи, ни детей. На следующее утро Самохин появился у нее на работе, где узнал, что вчерашим днем она не выходила. Ну, а дальше – в полицию...

– Ясно, – помассиров еще раз грудь в области сердца, произнес полковник, – не продолжай, что дальше, я и так знаю. Квартиру Лопатиной осмотрели?

– Осмотрим сразу после совещания, ордер только получили...

– Хорошо, – Миклухин глубоко вздохнул. – Коля, распахни окно, – попросил он подчиненного, – воздух какой-то спертый...

Глотнув свежего воздуха через распахнутое окно, Алексей Викторович продолжил:

– Что экспертиза?

Кондратьева вывела на экран проектора крупный план трепанированного черепа жертвы:

– Пока получены только предварительные результаты. Но характер нанесенных травм однозначно указывает на Вивисектора. Череп жертвы трепанирован тем же способом и тем же инструментом, как и в предыдущих эпизодах. Жерва так же накачана обезболивающим и обездвиживающими препаратами, позволяющими пребывать в сознании во время операции...

Миклухин с хрустом сжал кулаки:

– Твою налево! Удавить бы эту тварь...

– Нам бы найти его для начала... – неосторожно подал голос Нестеренко.

– Так ищите, сыщики гребаные! – вскипел полковник. – Это ваша работа! Ра-бо-та! – Лицо полковника побагровело еще больше, жилка на виске запульсировала в учащенном темпе. – Из-за вашего по...ма люди гибнут! Понимает, люди!!!

– Найдем мы этого отморозка, тащ полковник, найдем! – поспешно произнес Нестеренко, мечтая стать невидимкой.

– Хреново ищите! – потух вдруг Миклухин, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза. – Продолжай, Кондратьева, – слабым голосом попросил он.

– Микроскопические проколы в мозгу частично повторяют предыдущие случаи, а частично имеют иную локализацию. Но, как и в предыдущих эпизодах, операция выполнена с ювелирной точностью! Вновь использовано неизвестное инновационное оборудование, работающее на уровне нейронных связей.

– Но ведь кто-то должен производить это оборудование? – не открывая глаз произнес полковник. – Нужно искать...

– Мы консультировались с ведущими нейрохирургами, – ответила Елена Николаевна, – которые в один голос утверждают, что такого оборудования не существует – это что-то из области фантастики. Возможно, подобное устройство разрабатывалось компанией «Нейролинк», принадлежащей известному миллиардеру Илону Маску. Оно предназначено для соединения мозга человека с интерфейсом компьютера. Однако на людях этот прибор еще не испытывали. Точнее узнать об этом устройстве не представляется возможным.

– Ну не американский же миллиардер у нас тут людей жмурит? – Полковник отлепился от спинки кресла и открыл глаза.

– А что, от этих пиндосов всего ожидать можно! – вновь не к месту влез Нестеренко. – У них на людях не разрешают, так они у нас обкатать решили...

– Да помолчи, уже, капитан – не в цирке! – вяло ругнулся Миклухин, тяжело наваливаясь на стол локтями.

– Как утверждают ведущие специалисты в области нейрохирургии, – вновь продолжила доклад Кондратьева, – оборудование, используемое Вивисектором, на порядок точнее устройства «Нейролинк».

– Так выходит, что наш Вивисектор-то – гений? – сморщился от подобной мысли полковник. – В гараже на коленке из старой швейной машинки собрал инновационное оборудование?

Кондратьева неопределенно пожала плечами:

– Выходит, что так.

Миклухин взмахнул рукой, словно отгонял назойливую муху:

– Ладно, Нестеренко, и ты туда же, Кондратьева? Есть еще что-нибудь?

– Ну и напоследок... – Кондратьева выводит на экран маркер-схему – татуировку, нанесенную на кожу жертвы. – Как и предыдущим жертвам Вивисектора на кожу затылка нанесена татуировка-схема. Выполнена в той же манере: на первый взгляд она похожа на обычный линейный штрих-код – чередование разных по толщине полос с числовым сопровождением одной из сторон. Однако в нашем случае используются еще и буквенные символы. С обратной стороны буквенно-числового сопровождения полоски разветвляются, соединяясь с пиктограммами, превращаясь в некое подобие электрической схемы.

– Этот ребус мы так и не смогли расшифровать? – Полковник придавил пальцем забившееся в нервном тике глазное веко.

– Консультирующие нас специалисты, как в области нейрохирургии, так и в области электроники, предполагают, что это схема подключения мозга к некоему устройству. Однако путаницу вносит буквенно-цифровое сопровождение схемы: в случае совпадения параметров, оно должно повторяться, а этого не происходит. Возможно, Вивисектором используется некий шифр, но разгадать его пока никто не смог.

– Понятно, топчемся на месте, – подытожил Алексей Викторович. – Все это мы уже видели. Ройте, господа сыщики, подключайте специалистов, но дайте результат! Еще одного эпизода я не переживу! Все, идите с глаз моих!

Глава 2

В квартире Валерии в «поте лица» работали следственные органы. Эксперты-криминалисты снимали отпечатки пальцев со всего, с чего только возможно: с дверных ручек, с комодов, с зеркал и посуды. У тумбочки перед зеркалом замерли, слегка наклонившись, Кондратьева и Нестеренко. Нестеренко аккуратно поднял плащ, под которым обнаружилась сумочка Валерии.

– А вот и сумочка нашлась... – пропел Нестеренко, не прикасаясь к найденной вещице.

– Сереж, подойди, пожалуйста, – позвала криминалиста Кондратьева.

– Да, Елена Николаевна?.. – Подошел один из экспертов.

– Посмотри сумочку, – попросила она, – а вдруг?

Криминалист скорчил «кислую» физиономию:

– Сумочка тряпичная – отпечатки исключены.

– А внутри? Всякие там дамские штучки-дрючки, – произнес Нестеренко.

– Можно попробовать, – согласился Сергей, аккуратно высыпая на крышку тумбочки содержимое сумочки: пудреницу, помаду, тушь и прочие женские «принадлежности».

– Телефон! – закричал Нестеренко, глаз которого зацепился за довольно-таки дорогую модель телефона, вылетевшего и кармашка. – Сереж, его в первую очередь «оприходуй»! А мы его содержимое после проверим!

– Сейчас я сниму с него отпечатки и верну, – пообещал криминалист.

Сергей быстро провел все необходимые действия и передал аппарат Нестеренко.

– Заряд еще есть, а пароля нет! – довольно произнес Петр, активируя гаджет. Он без особого труда зашел в основное меню аппарата. – Телефонная книга... Так, пропущенные... Ага – это пропущенные от Самохина, это звонки с рабочего телефона. Посторонних звонков нет, сообщений СМС и Вацап – тоже.

– А ты чего ожидал, Петя? – усмехнулась Кондратьева. – Что Вивисектор СМСкой отметится: вот он я, берите «под белы ручки»?

– А чуда нам так не хватает, товарищ майор! – с сожалением произнес Нестеренко.

– Чудо бы нам не помешало, – согласилась Кондратьева. – Однако контакты проверь, особенно исходящие звонки. Мало ли...

– Обижаете, Елена Николаевна, – делано обиделся капитан. – Нестеренко свою работу знает...

Неожиданно раздавшаяся трель дверного звонка оторвала Петра от увлеченного просмотра телефонной книги Валерии. Он подошел к двери и открыл её. На пороге стоял Роман Немков, который с недоумением уставился на капитана Нестеренко.

– Простите... – после небольшой паузы произнес Немков. – А могу я увидеть Валерию?

– Не-а, – ответил Нестеренко. – Она умерла.

– Это что, глупая шутка? – не понял Немков.

Нестеренко достал из кармана удостоверение и, развернув, продемонстрировал его Роману:

– Какие шутки? Старший оперуполномоченный «убойного отдела» капитан Нестеренко. – Нестеренко отошел в сторону, освобождая проход в квартиру и жестом «приглашая» Немкова внутрь:

– Проходите, гражданин, побеседуем.

Немков, помявшись немного на пороге, прошел внутрь. Нестеренко захлопнул дверь за его спиной.

– З-здравствуйте... товарищи... – не зная, как себя вести в подобной ситуации, поздоровался Роман с работающими в квартире полицейскими.

– И вам не хворать! – ответил Нестеренко. – Документики предъявите!

Немков заторможено вынул из кармана паспорт, и застыл, сжимая его в руке. Взгляд синестета рассеянно бегал по сторонам, перескакивая с работающих оперативников на разбросанные по прихожей вещи Валерии: туфли, тапки, рассыпанное по крышке тумбочки содержимое сумочки. Не дождавшись документа, Нестеренко сам вынул его из судорожно сведенных пальцев Романа.

Угу, – раскрыв паспорт, пробежался по нему глазами капитан, – Немков Роман Олегович.

– Да...

– Кем вы приходились погибшей Валерии Лопатиной?

Взгляд Немкова неожиданно наткнулся на использованную салфетку с отпечатком губной помады Валерии. Немков шумно втянул воздух ноздрями – от салфетки протянулись видимые лишь ему «нити запаха». И тут Немкова «накрыло»: прихожая наполнилась серовато-зеленым светом, а фигуры сыщиков смазались и потерялись во мгле.

– Зеленая серость... Вторник... вечер... – словно в прострации пробормотал Роман, глядя невидящими глазами на салфетку.

– Уважаемый, с вами все в порядке? – удивился такому странному поведению «гостя» Нестеренко.

Поведение Немкова ошарашило не только капитана, но и всех присутствующих в квартире сыщиков: он действовал, словно погруженная в транс сомнамбула – не видел и не слышал ничего из реального мира.

А тем временем перед глазами Немкова словно развернулось некое подобие трехмерной карты с «горами-пиками» в виде месяцев года, «возвышенностями и платами» в виде чисел-дат. Даты отсчитывались в обратном порядке, и карта раскручивалась до тех пор, пока не остановилась на восемнадцатом числе июня, выглядевшем словно бочонок лото.

– «В первый раз» – восемнадцатое! – выдохнул Роман, еще больше огорошив наблюдавших за ним служителей закона.

«Карта» раздалась вширь и превратилась в спиральную ленту, переливающуюся всеми цветами радуги и состоящую из 24-х делений-часов, которые в свою очередь были разбиты на меньшие промежутки-минуты. Между цифрами 19-ть и 20-ть ярко горела маленькая сиреневая звездочка.

– Девятнадцать тридцать семь... – замогильным голосом объявил во всеуслышание синестет.

Нестеренко протянул руку, чтобы встряхнуть неожиданно спятившего, по его мнению, Немкова, но её перехватила Кондратьева.

– Не вздумай! – прошипела она, погрозив заместителю пальцем. – Похищение предположительно произошло восемнадцатого...

А перед глазами Романа карта растворилась в пространстве и исчезла, сиреневая звездочка же разрослась и превратилась в тень Валерии, стоящей перед зеркалом и стирающей с губ помаду салфеткой. Её голос отдавался эхом в жутко разболевшейся вдруг голове Немкова.

– ...морщинки... морщинки... старуху... – шептала тень Лопатиной.

– ...морщинки... морщинки... старуху... – послушным попугаем вслух повторял Роман.

Тень Валерии прикоснулась кончиком указательного пальца носа своего отражения в зеркале. Немков, словно кто его дергал за невидимые ниточки, повторил движения Валерии у зеркала.

– ...отпуск... отпуск... – произнес «призрак».

– ...отпуск... звонок... – повторил Роман.

– ...не сегодня... не хочу... – Валерия.

– ...не хочу... даже секса... – Немков.

Тень Валерии двинулась к входной двери, туда же направился и Роман. Если тень Валерии выглядела для Немкова полноценным человеком, то тень убийцы предстала перед ним лишь багровым силуэтом с полыхающими огнем преисподней глазами.

– ...мужчина... я устала...

Немков схватился рукой за шею:

– ...укол... немеет... все...

Немков пошатнулся и едва не свалился на пол, но его вовремя подхватил под руку Нестеренко. Прихожая перед глазами Романа стремительно возвращалась к нормальному виду. Синестет судорожно вздохнул и закашлялся, словно подавился негативом захлестнувших его впечатлений.

– Что это было? – первым задал вопрос пришедшему в себя Роману капитан Нестеренко.

– Он похитил её из дома, – без каких-либо объяснений произнес Роман. – Мужчина. Лет пятидесяти. Крепкий. Он сделал ей укол... – Немков потёр шею, словно это ему только что сделали укол. – Вот сюда...

– Да, на шее потерпевшей присутствовал след от инъекции, – подтвердила Кондратьева. – Вы экстрасенс?

– Нет, что вы, – запротестовал Немков, – совсем нет!

– Тогда, чей-то за комедия здесь была? – «Насел» на Романа Нестеренко.

– Это не комедия. Просто я – синестет...

– Кто? – переспросил капитан, ни разу не сталкивающийся с таким термином.

– Синестет, – терпеливо повторил Немков, по всей видимости, такие вопросы были ему не в новинку.

– Синестет? Вы что-нибудь об этом знаете, Елена Николаевна?

– Я что-то такое слышала, – припомнила Кондратьева. – Люди с цветным слухом? Лист, Вагнер?

– Да, – согласно кивнул Немков, – это одна из возможных форм синестезии. Можно, пожалуйста, присесть – ноги до сих пор не слушаются.

– Конечно-конечно! – участливо произнесла Елена Николаевна. – Проходите в комнату. Петя, помоги человеку!

С трудом переставляя ноги, словно к его ботинкам привязали по пудовой гире, Немков, поддерживаемый под локоть капитаном Нестеренко, прошел в комнату и опустился на диван. Кондратьева присела рядом, а Петр подвинул к дивану стул, и уселся на него задом наперед, уткнувшись локтями в спинку.

– Неужели вы почувствовали на себе действие вколотых Лопатиной лекарств? – дав Немкову немного перевести дух, первой задала вопрос Кондратьева.

Немков вяло кивнул:

– Да, почувствовал.

– Как вообще такое возможно? – Не мог успокоиться Нестеренко, нервно елозя на стуле.

– Это одна из редких форм синестезии, – пояснил Немков, – синдром зеркального прикосновения. Я могу переживать чувства абсолютно незнакомого человека. Ощущать на расстоянии то, что ощущает он.

– А говоришь, что не экстрасенс...

– Не экстрасенс. Это просто особенности моего восприятия окружающего мира.

– Значит, вы уверены, что её похитили именно восемнадцатого числа в девятнадцать тридцать семь? – вновь взяла ведение допроса в свои руки Кондратьева.

– Да, – согласился Немков, – я это отчетливо видел.

– А почему день серо-зеленый? – поинтересовалась ради собственного интереса Елена Николаевна. – Тоже синестезия, типа цветного слуха?

– Да. Для меня все вторники – зеленого цвета. Утром яркие, свежие, словно клейкие молодые листочки. К ночи – серые, набрякшие, напитавшиеся вечерней усталостью...

– Как все сложно и запутано у вас... – фыркнул со стула Нестеренко.

– Петя! – одернула его Кондратьева.

– Молчу, Елена Николаевна, молчу! – Нестеренко в пантомиме невидимым ключиком запер рот на замок.

– Продолжайте, Роман э-э-э...

– Олегович, – напомнил Немков. – Он позвонил в дверь, Валерия открыла. Он уколол её в шею... Дальше смутно... Я ведь «зеркалил» ощущения Валерии: она упала, он занес её в комнату, положил на этот диван. А через некоторое время вынес из квартиры. Это все, что я смог «увидеть».

– Мужчина, пятьдесят лет, крепкого телосложения? – Еще раз уточнила Кондратьева.

– Да.

– Было еще что-нибудь особенное? – не унималась Кондратьева, стараясь распотрошить Немкова, как можно тщательнее.

– Запах, – поморщился Немков. – От него сильно пахло больницей: лекарства, кровь и металл...

– Еще бы от этого душегуба кровью не несло! – вмешался в разговор Нестеренко, забыв про данное Кондратьевой обещание молчать.

– Другие запахи? Одеколona, туалетной воды? – продолжала выпытывать Кондратьева.

Немков покачал головой:

– Запах больницы перебил все остальные. Это все, что я могу сказать.

– Спасибо и на этом, – произнесла Елена Николаевна. – Кем вам приходилась Валерия?

– Она – моя хорошая знакомая... Была... Мы познакомились несколько лет назад, посещали группу одного психолога, помогающего синестетам разобраться с проблемами социальной адаптации...

– Постойте, Роман Олегович, – невольно прервала Романа Кондратьева, –

вы хотите сказать, что Валерия тоже была синестетом? Таким же, как и вы?

– Не совсем таким же, – поправил майора Немков, – особенности каждого синестета сугубо индивидуальны, но если брать в общем – да, она была синестетом. Людям с нашими особенностями очень сложно ужиться с кем либо. Отсюда постоянные проблемы, затяжные депрессии. Занятия с психологом нам очень помогли. Но и после занятий мы продолжали общаться, поддерживали друг друга. Она звонила мне на прошлой неделе... просила зайти... жаловалась на усталость... Но я был занят... Обещал зайти, как освобожусь... И вот... – Он виновато развел руками.

– Не вините себя, – постаралась приободрить потерявшего друга Романа Елена Николаевна. – Вы ни в чем не виноваты. Она не первая жертва, умерщвленная подобным способом.

– Простите, Елена Николаевна, – вновь вмешался Нестеренко, – но я спрошу: Роман Олегович, а где вы были восемнадцатого числа?

– Я был на конференции во Фракфурте, – спокойно ответил на заданный вопрос Немков. – Вернулся вчера вечером.

– Хорошо, мы проверим, – произнес Нестеренко.

– Конечно-конечно, проверяйте, – не стусевался Роман. – Если нужно, я могу билеты показать...

– Роман Олегович, у меня к вам большая просьба, – произнесла Кондратьева, – я хочу показать вам фотографии других жертв. Возможно, вы с кем-нибудь из них были знакомы.

– Да, конечно, я посмотрю...

Большой кабинет следователей в этот час был непривычно пуст, лишь за угловым столом сидел лейтенант Перепелкин и заполнял какие-то бумаги. На столе перед ним кроме бумаг лежали сумка и кошелек. Перед столом Перепелкина на стульях восседала толстая до неприличия тетка пролетарской наружности и закованный в наручники subtilный карманник с разрисованными тюремными татуировками руками. Зашедшие в кабинет Кондратьева, Нестеренко и Немков стали невольными свидетелями допроса.

– Начальник, да гонит эта бабища! – горячился карманник, позвякивая цепочкой наручников. – Не брал я её пропаль[1]! Сама проперлась, а на меня повесить хочет...

– Ах, ты, вша тюремная! – Задохнувшаяся от возмущения Тетка, заехала пудовым кулачком в плечо карманнику, едва не снеся его со стула. – Да я его еще в трамвае срисовала, товарищ милиционер, когда он возле меня тёрси!

Карманник взмахнул скованными руками, пытаясь защититься от разгневанной тетки, что пыталась оттащить его за волосы.

– Начальник, да она психическая! – заверещал карманник, уклоняясь от болезненных нападков толстухи.

К столу, за которым «вел допрос» Перепелкин, стремительно подскочил Нестеренко и «навис» над карманником.

– А ну тихо! Успокоились все! Живо! – грозно заревел он. – Чего тут у тебя твориться, Перепелкин?

– Извините, у нас тут бывает... – виновато произнесла Кондратьева, обращаясь к Немкову, по дерганному поведению которого было понятно, что все происходящее его жутко нервирует.

– Понимаю, работа, – выдавил из себя Роман.

Кондратьева подвела Немкова к своему столу и указала на стул рядом с ним:

– Присаживайтесь, Роман Олегович. Сейчас я покажу вам фотографии.

Немков уселся на предложенный стул, продолжая краем глаза наблюдать за суетой у соседнего стола.

– Да вот, задержали этого деятеля, – объяснял капитану Перепелкин, – он у женщины из сумки кошелек вырезал.

– Не гони, начальник, ничего я не резал! – резко пошел в отказ карманник. – Ни о каком кошельке и слыхом не слыхивал!

– Заткнись! – оборвал его Нестеренко. – Тебя пока не спрашивают!

Пока Кондратьева отпирала сейф, чтобы достать фотографии, Немков незаметно «принохивался». Каждый из участников допроса излучал свои, видимые только Немкову, запахи. Каждый из этих запахов имел особую структуру и цвет.

– Выйдя из трамвая, – продолжал докладывать лейтенант, – потерпевшая обнаружила порезанную сумочку и пропажу кошелька. Подняла шум. Рядом, по счастливой случайности, проходили ППСники. Гражданина Шмаля задержали, но кошелек при нем не оказалось.

– Говорю же: не брал я этот пропаль! – вновь завел свою шарманку Шмаль. – Сама зацепилась где! Савойку[2] порвала, пропаль и выпал...

– Заткни фонтан, Шмаль! – Раздраженно хлопнул по столу рукой Нестеренко.

Карманник замолчал, а Перепелкин продолжил:

– Кошелек обнаружился неподалеку, но без денег. Отпечатков на нем тоже нет.

Немков продолжал внимательно разглядывать участников допроса: на сумочке и кошельке он явственно «видел» следа запаха карманника. Так же на сумочке присутствовала еще одна разновидность запаха, по структуре совпадающая с запахом, идущим от рук вора и, почему-то, из его левого ботинка.

– Елена Николаевна... – тихо позвал Кондратьеву Немков.

Кондратьева, доставшая из сейфа фотографии жертв, в тот момент раскладывала их на столе. Она подняла голову и вопросительно посмотрела на Романа.

– Это он украл кошелек, – сообщил следователю Немков.

– Откуда такая уверенность, Роман Олегович? – Удивленно приподняла брови Елена Николаевна.

– На сумке и кошельке присутствует запах преступника, – пояснил синестетик. – Но на сумке, в месте разреза, ощущается еще один запах... Запах меди. Проверьте его левый ботинок.

– Коля, – позвала Кондратьева капитана, – проверь левый ботинок задержанного!

Нестеренко удивленно посмотрел на Кондратьеву, но выполнил её просьбу:

– Лапоть снимай, Шмаль!

– С чего это, мусор? – неожиданно окрысился вор.

Но на Нестеренко его заявление не произвело ровным счетом никакого впечатления, он лишь злобно навис над Карманником, покачивая перед его лицом пудовым кулачищем:

– Не нервируй меня, Муля!

Карманник поник, подцепил носком правой туфли левую пятку и стащил ботинок с ноги. Нестеренко наклонился и подобрал обувь, скорчив брезгливую физиономию:

– Ты бы хоть ноги почаще мыл, Шмаль! Несет, как из конюшни!

Перевернув ботинок над подставленной раскрытой ладонью, Нестеренко его легонько встряхнул. Ему в руку выпала остро отточенная медная монетка, которой карманник, по всей видимости, и разрезал сумку потерпевшей.

– О! – довольно воскликнул капитан, бросая ботинок на пол. – Вот и моечка[3] нашлась! Скажешь, не твоё, дятел?

– Сучары красноперые... – сквозь зубы процедил карманник и, злобно вращая глазами, откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. – Не моё! Подкинули!

– Придется тебе еще посидеть, Шмаль. Оформляй его, Перепелкин.

Нестеренко подошел к столу Кондратьевой и присел на свободный стул рядом с Немковым.

– Елена Николаевна, – озадаченно спросил он, – как вы догадались, что у него мойка в ботинке?

– Роман Олегович подсказал, – не стала скрывать Кондратьева.

– Офигеть! – присвистнул Нестеренко. – Да вам на «Битву экстрасенсов» нужно! С такими способностями – всех за пояс заткнете!

– Спасибо, Роман Олегович! – положив руку на сердце, произнесла Елена Николаевна.

– Не за что, – отмахнулся Роман. – Давайте лучше посмотрим фото, – предложил он.

– Ах, да... – опомнилась Кондратьева, подвигая к Немкову фотографии жертв Вивисектора. На них были запечатлены три мужчины и одна женщина. – Роман Олегович, посмотрите, пожалуйста...

Немков, не медля ни секунды, отодвинул в сторону две мужские фотографии:

– Эти люди мне незнакомы.

Вы не ошибаетесь? – спросила Кондратьева. – Посмотрите внимательнее.

– Елена Николаевна, – улыбнулся Немков, как будто объясняя что-то маленькому ребенку, – у меня абсолютная фотографическая память. Все, что я когда-либо видел, я запоминаю навсегда. Мне, в отличие от всех остальных, нужно очень постараться, чтобы забыть. Этих людей я никогда не видел, даже мельком.

– Извините, Роман Олегович, – произнесла Кондратьева, – я не знала... А оставшиеся люди вам знакомы?

– Да. Это, – Немков указал на фотографию женщины, – Екатерина Дворецкая. А это, – он указал на фотографию одного из мужчин, – Максим Севастьянов. Оба – синестеты. У Ека-

терины самая распространенная форма – графемно-цветовая, а вот у Максима целый набор: фонопсия, акустико-тактильная и порядко-лингвистическая.

– Когда вы видели их в последний раз? – продолжала расспрашивать Кондратьева.

– С Екатериной встречался седьмого марта две тысячи пятнадцатого года, с Максимом – третьего февраля семнадцатого.

– Поразительная память! – ахнул Нестеренко. Неужели помните с такой точностью?

– Я ничего не забываю, молодой человек. Я могу сказать с точностью до секунд, когда мы встретились и когда расстались. Могу дословно воспроизвести наш разговор...

– Простите моего коллегу, Роман Олегович! – сказала Елена Николаевна, подвигая к себе фотографии мужчины и женщины, опознанные Немковым. – Значит три жертвы Вивисектора – синестеты...

– А почему Вивисектор? – заинтересованно спросил Роман.

– Нужно же было эту тварь как-то назвать? – не скрывая чувств, произнес Нестеренко. – Он вскрывает им черепа, а его жертвы в это время находятся в сознании! Обездвиженные, но в сознании! Представляете?

– Да, именно так утверждают эксперты, – подтвердила Кондратьева. – Скажите, а вы не можете посмотреть... Так же, как на квартире Лопатиной...

Немков печально улыбнулся:

– Увы, мои особенности не безграничны.

– Извините... – ступевалась Елена Николаевна. – Спасибо за помощь! Петя вас проводит. – Кондратьева протянула руку и Немков, немного помедлив, её пожал. На секунду по его лицу скользнула гримаса боли.

– До свидания, Елена Николаевна. Если понадобится – звоните, мой телефон у вас есть. Да, – немного поколебавшись, произнес он, – вам обязательно нужно отдохнуть и выспаться! Головная боль вас до добра не доведет!

Слегка изумленная Кондратьева осторожно вынула свою руку из руки Немкова и, печально улыбнувшись, произнесла:

– Спасибо вам еще раз, Роман Олегович! И за совет – тоже!

Когда Немков в сопровождении Нестеренко покинул кабинет следователей,

Елена Николаевна вновь погрузилась в изучение материалов дела Вивисектора.

– Значит, синестеты... – произнесла она, убирая фотографии жертв в папку.

[1] Пропаль – кошелек. Воровской жаргон.

[2] Савойка – сумка. Воровской жаргон.

[3] Мойка – лезвие безопасной бритвы (остро заточенная монетка) – один из основных инструментов карманников. Воровской жаргон.

Глава 3

Проводив Немкова «на выход», капитан Нестеренко вернулся в кабинет, и тут же получил от Елены Николаевны очередную «нагрузку»:

– Петя, нужно срочно опросить родственников и знакомых... – Рука Кондратьевой скользнула по фотографиям мужчин, которых не опознал Немков. – Может быть и они тоже... того...

Нестеренко приложил указательный палец к своему лбу «на манер антенны» и тихонько засвистел:

– С особенностями? Как и остальные?

– Да. Тогда станет ясно, по какому принципу Вивисектор отбирает жертвы.

– Хорошо, Елена Николаевна, – кивнул капитан. – Я Перепелкина с собой возьму? – спросил разрешения у начальницы Нестеренко. – Он уже освободился.

– Бери, – разрешила Кондратьева и вновь склонилась над бумагами.

Петр подошел к столу, за которым уже в одиночестве работал с протоколами допроса Перепелкин.

– Ну, что, молодой, прокатимся? – Нестеренко по-приятельски хлопнул лейтенанта по плечу.

– Легко! – оторвался от работы «молодой». – Слушай, Петь, а чего это за мужик с вами был? Ну, который мойку у Шмаля в тапке вычислил? Я его на днях в одной передаче видел. «Удивительное рядом» называется. Так он там такие номера отчебучивал. У-у-у – мне б так уметь!

– Догоняй, по дороге расскажу, – пообещал Нестеренко, выходя из кабинета.

На парковке перед авторемонтной мастерской остановился полицейский автомобиль, из которого вылезли капитан Нестеренко и лейтенант Перепелкин.

– Вроде бы здесь он работал, в этой мастерне. – Наморщив лоб, опознал нужное строение Коля Перепелкин

– Ну, тады пойдем, пошукаем, что ли? – предложил капитан, направляясь к открытым дверям автомастерской.

Войдя в мастерскую, Нестеренко огляделся – народу нет: оно и понятно – время обеденного перерыва. Лишь под одной из машин, зависшей на подъемнике, «суетится» пожилой автослесарь в уделанной машинным маслом спецовке.

Подойдя к подъемнику и присев, чтобы не удариться головой о платформу с автомобилем, капитан окликнул мастера:

– Уважаемый! Можно вас оторвать на минутку?

Автослесарь прекратил закручивать гайки и обернулся:

– Чего тебе, паря?

– Александра Рохлина где могу найти? – спросил капитан.

– А, Сашок-то? В клиентской! Там погляди! – Дедок махнул зажатым в руке гаечным ключом в неопределенном направлении.

– Спасибо, отец! – поблагодарил капитан, но мастер уже отвернулся, потеряв к нему интерес.

– Где тут у них клиентская? – произнес Нестеренко, оглядываясь по сторонам в поисках двери.

– Я знаю! – вспомнил Перепелкин, указав в дальний угол зала. – Вроде бы нам туда!

– Раньше не мог вспомнить? – попенял подчиненному капитан, направляясь за лейтенантом, уверенно уверено обходящим разбросанные по полу запасные части от автомобилей.

Клиентская комнатка оказалась маленькой и зачуханой: потертый кожаный диван, стол и продавленное кресло, на котором сидел молодой автослесарь в слегка замызганной спецовке и пялится в «подвешенный» на стене телевизор, забросив ноги на стол.

Увидев полицейских, парнишка поспешно сбросил ноги со стола, оторвал задницу от кресла и вежливо расшаркался перед «потенциальными клиентами»:

– Здравствуйте! Чем могу?

Нестеренко достал удостоверение и ткнул раскрытой корочкой едва ли не в нос парню:

– Рохлин Александр? Старший оперуполномоченный Нестеренко...

– А я вас помню, – узнал Перепелкина мастер. – Вы, меня в мусарне... Ой, – запнулся он на полуслове, – в участке допрашивали, когда брата убили...

– Не допрашивал, а показания снимал, – сурово поправил парня лейтенант.

– Да хрен редьки не слаще! – отмахнулся Рохлин. – Поймали того урода? – с надеждой в глазах спросил он полицейских.

– Кхм... – теперь запнулся уже Нестеренко. – Нет... Пока нет...

– Эх, вы-и-и... – протянул с горечью в голосе Рохлин. – Тварь эта небо копит, а Серега уже два года... как... как... – На глаза Рохлина навернулись слезы, задрожал подбородок, и паренек с трудом сглотнул вставший в горле комок. Видимо брат, погибший от рук маньяка, был ему действительно дорог. – Что от меня надо?! – резко спросил он, потирая грязным кулаком глаза, от которых на лице остались темные пятна.

– Мы приносим свои соболезнования... – негромко произнес Нестеренко.

Рохлин «закатил» глаза, с трудом сдерживаясь, чтобы вновь не пустить слезу:

– Приносили уже! Лучше б эту сволочь нашли!

– Мы как раз по этому поводу и пришли...

– Спрашивайте, раз уж пришли, – Александр шмыгнул носом, стараясь успокоиться.

– Скажите, Александр, а ваш брат случайно не обладал некими способностями... – Закинул «удочку» капитан Нестеренко. – Зрением там... особым... слухом, обонянием?

– Почему же случайно? – удивленно произнес паренек. – У нас в семье все, кроме отца – синестетики. Были... Мама умерла, когда мне пятнадцать было, а Серега... сами знаете когда... А какой у него был слух! – почти с благоговением произнес Рохлин. – С закрытыми глазами самые сложные поломки диагностировал! И ни разу, слышите, ни разу не ошибся! Вот это был дар свыше! А я... я так – буквы цветные вижу, и все!

– Значит, все-таки, синестетик, – удовлетворился ответом Нестеренко. –

Спасибо, Александр, вы нам очень помогли!

– Вы лучше эту гниду поскорее найдите! Хотя мне от этого легче уже не станет – Серегу не вернуть...

Возле служебного автомобиля полицейские остановились и закурили.

– Выходит, уже четверо из пяти – синестеты? – подытожил результат поездки Перепелкин.

– Что-то подсказывает мне, что и у пятого были схожие «проблемы со здоровьем», – произнес капитан. Похоже, что Вивисектор ставит свои опыты только на людях «с особенностями». Синестетах.

– Только зачем ему это? – озадачился Перепелкин.

– Не знаю, – пожал плечами Нестеренко, может бзик какой, может банальная зависть? А может, таким же хочет стать – кто их, маньяков, разберет? – Нестеренко опять приставил палец ко лбу и свистнул. – Связь с космосом, солнечные бури, сезонная шиза... Ладно, поехали, опросим родню оставшейся жертвы.

К вечеру вся команда полицейских вновь собралась в кабинете начальства. Первой слово взяла Кондратьева:

– Наконец-то выявлена связь – общая черта, объединяющая всех, без исключения, жертв Вивисектора...

– Bravo! – с сарказмом в голосе воскликнул Миклухин и хлопнул в ладоши. – Не прошло и трех лет! Плохо работаете, господа сыщики! Ваша лошадь тихо ходит, а мне на пенсию пора!

– Виноваты, товарищ полковник! – серьезно произнесла Кондратьева.

– Ладно, – прекратив «паясничать», произнес полковник, – продолжай Кондратьева.

– Вивисектор убивает только людей с определенными нейрофизиологическими отклонениями от нормы...

– Что еще за отклонения? – удивился Миклухин. – И почему их раньше не выявили? Ведь сколько медэкспертиз прошли? Куда только Пирогов смотрел?

– Пал Палыч тут ни при чем, – заступилась за эксперта Елена Николаевна. – В общепринятом смысле и в медицине эти отклонения, вернее особенности восприятия окружающей среды не считаются патологией...

– Ты меня совсем запутала, Кондратьева! – воскликнул начальник. – Я тебя не понимаю! Вроде и по-русски говоришь... Будь проще, и люди к тебе потянутся!

– Да тут все так запутано, товарищ полковник! – Не выдержала и Кондратьева. – Мне и хотелось бы попроще – да не получается! Одним словом: все жертвы Вивисектора – синестетики!

– Шо за зверь такой – синестетики? – потребовал объяснений полковник.

– Есть такое понятие – синестезия...

– Заболевание? – перебил Миклухин.

– Нет, – возразила Кондратьева, – синестезия не считается заболеванием. Как бы объяснить? Это такой способ восприятия, когда некоторые состояния, явления, понятия и символы произвольно наделяются дополнительными качествами: цветом, запахом, вкусом, формой. При этом чувства словно смешиваются: человек может видеть или осязать звук, слышать цвет, чувствовать текстуру или геометрическую форму мелодии и так далее.

– Как это – слышать цвет? – не понял Миклухин. – Это больше на какую-то шизу смахивает!

– Ну, как-то так, – развела руками Кондратьева. – Но, повторяюсь, это явление не считается психическим расстройством. Люди, подверженные этому феномену, в большинстве своем стараются не афишировать, что они такие... особенные...

– Оно и понятно, – согласно кивнул Миклухин. – Видеть звук, слышать запах... Тут до дурки рукой подать!

– Именно! – обрадовано воскликнула Елена Николаевна, наконец-то добившись хоть какого-то понимания от начальства. – Многие из них – люди замкнутые, не склонные к общению. Да и вообще об этом феномене мало кто слышал.

– И как же вы это выяснили? – поинтересовался полковник.

– Случайно. Знакомый Лопатиной – последней жертвы Вивисектора, Роман Немков, пришел к ней в гости во время обыска. Он тоже синестет, как и последняя жертва Вивисектора. Так же он опознал по фото еще двоих: Дворецкую и Севастьянова, с которыми был прежде знаком. А то, что синестетами являлись Рохлин и Пеньков, мы выяснили уже сами, опросив родственников погибших.

– И кстати, если этот ваш знакомый Лопатиной тоже экстрасенс, он вполне может стать очередной жертвой, – неожиданно выдал предположение начальник полиции.

– Я тоже об этом подумала, товарищ полковник, – ответила Кондратьева, – после совещания на беру его...

– Ладно, связь нашли, – продолжал размышлять Миклухин, – но что это нам дает?

– Пока ничего... Но... даже не знаю, как сказать...

– Да говори уже, Кондратьева! Нам все равно терять нечего – тут хоть за соломинку хватайся!

– Эти способности Немкова, как он сам говорит, «особенности восприятия» – просто фантастика!

– Я видел его выступления по телеку, тащ полковник! – подал голос Перепелкин. – Там экстрасенсы рядом не стояли...

– Ага, – нервно хохотнул Нестеренко, – ты не видел, как он на хате Лопатиной отжигал!

– Зато видел, как он Шмаля на мойку расколол!

Миклухин заинтересовано поддался вперед, навалившись грудью на стол:

– Ну-ка, ну-ка, господа офицеры, повеселите высокое начальство!

Обстановка огромного кабинета, в котором работал в данный момент седоватый мужчина с холодными блеклосероголубыми глазами, прозванный в среде полицейских Вивисектором, была роскошной и аскетичной одновременно. Вся мебель и детали интерьера были выполнены в стиле хромированного хайтека и полированной нержавеющей стали. Начищенными до зеркального блеска поверхности, отражали многочисленные перемигивающиеся датчики колоссального сервера, установленного под струями холодного высокопроизводительного кондиционера в дальнем углу кабинета.

Вивисектор расположился за необычным письменным столом, который, подобно остальной мебели, был выполнен из листового металла. Знающие люди, частенько бывающие в морге, с изумлением бы признали в сверкающем чуде дизайнерской мысли основательно переделанный прозекторский стол.

На столе боками друг к другу теснились три монитора больших диагоналей. На одном из них, стоящем с краю, непрерывно бежали нескончаемыми потоками массивы каких-то данных, на втором красовалась схема какой-то установки, явно медико-хирургического назначения, на центральный же монитор была выведена трехмерная проекция головного мозга.

К отдельным участкам мозга, для наглядности подсвеченных разными цветами, тянулись многочисленные «нити» и «провода», тонкие и толстые, сконфигурированные в том же цвете, как и участки головного мозга. Каждая такая «сеть» была четко промаркирована определенным буквенно-цифровым кодом, подобным маркерам-татуировкам, нанесенным на жертвы. Местами «нити» и «провода» пересекались и соприкасались, образуя в местах соединений причудливые комбинации цветов.

На стене кабинета, напротив стола висела огромная плазменная панель, транслирующая на экране запись развлекательной передачи с участием Немкова. Остановив картинку пультом дистанционного управления, Вивисектор отмотал действие передачи назад и еще раз пересмотрел эпизод с «зеркальным отражением». Повторив это действие не менее десятка раз, он остановил запись и возвратился к монитору.

Крутанув колесико мышки, Вивисектор увеличил проекция головного мозга на экране. Он увеличивал изображение до тех пор, пока не «проявились» нейронные пути и отдельные связи между нервными клетками. Вивисектор, щелкая мышкой, добавил в проекцию новые связи на отдельном участке и, не торопясь, их промаркировал.

Закончив, он облегченно откинулся на спинку кресла, окинул взглядом проделанную работу и довольно произнес:

– Да, это должно работать именно так! И никак иначе! Я – гений!

Вивисектор вновь щелкнул мышкой, запуская программу обработки данных. Компьютер задумался на мгновение, и через секунду выплюнул в лоток принтера распечатанный лист бумаги с нанесенной на него сложной маркер-схемой.

Вивисектор вынул схему из лотка и еще раз внимательно её разглядел.

– Осталось проверить расчеты... – буркнул он себе под нос, глядя на свое отражение в полированном металле столешницы. – Добыть объект! И тогда, возможно, все получится... Но для начала нужно найти и добыть объект! Без него ничего не выйдет!

Вивисектор взял со стола сотовый телефон, набрал номер и поднес трубку к уху. На экране монитора компьютера высветился системный запрос:

«Найти объект: да/нет?»

– Ненавижу эти костыли! – прорычал Вивисектор. – Да!

Система распознавания голоса проглотила команду, развернув на экране монитора подробную карту города. Через мгновение на карте появилась отметка:

«Искомый объект найден. Произвести поиск устройств для подключения: да/нет?»

После нескольких гудков трубку «на том конце провода» взяла молодая, если судить по голосу, девушка:

– Телеканал «Юпитер». Ирина. Чем я могу вам помочь?

– Добрый вечер, Ирина! – произнес в трубку Вивисектор, щелкая указателем мыши в кнопку «да». – Соедините меня, пожалуйста, с тем, кто у вас занимается кастингом героев для телепередач.

Система, обработав запрос, выдала следующее сообщение:

«Устройства для подключения найдены. Подключиться: да/нет?»

Вивисектор вновь ткнул мышкой в «да». На ноутбуке, стоявшем на столе Юлии, моргнул индикатор подключившейся видеокамеры, но она на это не обратила внимания.

– Я вас внимательно слушаю, – произнесла Ирина, – кастинг героев телешоу находится в моем ведении.

На мониторе перед Вивисектором развернулось изображение разговаривающей по телефону светловолосой миловидной девушки лет двадцати пяти.

– Я хотел бы встретиться с главным героем не так давно вышедшей в эфир вашей передачи «Удивительное рядом» – Романом Немковым. Вы не можете дать мне его контакты? Хотя бы номер?

– К сожалению, – стандартной фразой отбрила Вивисектора девушка, – мы не раздаем телефонов наших участников! Это строго запрещено!

Пока Вивисектор разговаривал, система выдала следующий запрос:

«Взломать пароли хранилища информации удаленного устройства: да/нет?»

– Я все понимаю, – елевым голосом произнес Вивисектор, внимательно наблюдая за реакцией девушки на его слова, одновременно активируя кнопку «да», – но мы тоже хотели бы его пригласить к нам на эфир.

«Пароли взломаны, – сообщила система, – произвести поиск необходимой информации: да/нет?»

«Да» – высветилось активированное системой окно поиска, в которое Вивисектор вбил «Роман Немков» – «Поиск».

Система проглотила запрос.

– Нет, – произнесла Ирина, беззвучно зевнув, думая, что её никто не видит в этот момент, – об этом не может быть и речи!

– Вы знаете, я готов заплатить немалую сумму... – попытался сыграть на алчности Вивисектор.

– Исключено: я дорожу своей работой!

«Поиск окончен, – выдала система, – совпадений не найдено. Произвести новый поиск: да/нет?»

«Дерьмо!» – мысленно выругался Вивисектор, тыча указателем в «нет».

– И мне неплохо платят, – продолжила девушка. – Поэтому, извините, ничем не могу вам помочь! – И она положила трубку.

– Тварь! Сучка! Зловонная отрыжка Марджоба! – дал выход гневу Вивисектор, разбивая в хлам подвернувшуюся под руку мышку. – Ладно, сама напросилась... – произнес он, поднимаясь и отпихивая ногой кресло мешающее выйти из-за стола.

Подойдя к сверкающему стеклом и хромом шкафчику, Вивисектор приложил ладонь к сенсорному датчику и распахнул дверцу, после того, как щелкнул запирающий её замок. С одной из полок он взял странного вида прибор, внешним видом напоминающий морской кортик с лезвием ромбического сечения.

Ирина сегодня задержалась на работе: шеф, по неясным пока причинам, «мучил» её придирками намного дольше обычного. Так что на улицу она вышла уже в стужающихся сумерках. Девушка неспешно пошла в сторону дома, благо жила недалеко – всего в паре кварталов от работы. Людей на улице было немного, да и те спешили разбежаться по домам в это поздний час. Не глядя по сторонам, уставшая девушка шагала под светом тусклых фонарей, погруженная в грустные мысли о том, как бы побыстрее сменить опостылевшую работу.

Глядя под ноги, она не замечала, что за ней по пятам следует какая-то неясная тень. У погруженной во мрак арки тень неожиданно ускорила и, поравнявшись с девушкой, втолкнула её в подворотню. Не ожидавшая удара Ирина упала на землю, ободрав до крови колени и сломав шпильку на туфле. Вскрикнуть она не успела – тень нанесла ей резкий удар в голову, лишая сознания.

– Так-то лучше, – ворчливо произнес Вивисектор, хватая обмякшую девушку за шиворот и втаскивая поглубже в подворотню. – Сказала бы сразу телефон, все бы и обошлось... – Наклонившись над Ириной, мужчина вытащил из-за пояса прибор в виде кортика и нажал на кнопку, вмонтированную в навершие рукояти.

Прибор едва слышно пискнул, на рукояти засветилась красным светом тонкая полоса. Вивисектор недрогнувшей рукой вбил толстое ромбическое лезвие в левую глазницу Ирины. Девушка вздрогнула и засучила ногами в смертельных конвульсиях.

Навалившись на нее сверху и закрыв ладонью рот жертве, Вивисектор придавил её бьющееся тело к земле. Прибор пискнул еще раз, в голове девушки что-то глухо щелкнуло, ударившись в черепную кость изнутри. Из ноздрей Ирины на руку Вивисектору выплеснулись струйки крови.

– Вот дерьмо! – выругался Вивисектор, мазнув взглядом по испачканному кровью рукаву. – Совсем же новый плащ!

Тело жертвы изогнулось дугой, а затем вдруг резко обмякло. Красная полоска на рукояти прибора начала зеленеть с одного конца. Где-то на трети длины полосы зеленое свечение остановилось, а Ирина замерла в неестественной позе, укоризненно глядя на своего мучителя единственным уцелевшим глазом.

Выдернув из глазницы лезвие, Вивисектор оценил длину зеленого свечения.

– Всего-то? – удивленно воскликнул он, вытирая окровавленное лезвие об одежду убитой девушки. – Даже не половина? Это даже не мозг – так, болванка! Будет жаль, если в её пустой башке не найдется контактов Немкова.

Глава 4

Роман уже ложился спать, когда его телефон тихонечко пропиликал незамысловатую мелодию – старенький «допотопный» рингтон, еще с тех, стареньких кнопочных моделей конца девяностых начала двухтысячных годов. Эту мелодию Немков скачал в сети и установил на свой ультрасовременный аппарат, позволяющий воспроизводить достаточно широкий диапазон частот. Ну не любил он новомодных звуков, песенок и мелодий, хоть и был в состоянии гигабайтами заливать их на карту памяти. Мог, но не хотел. Пробовал несколько раз, но спустя пару дней сносил их «к четьям собачьим» и вновь устанавливал привычные уху «аналоговые» звонки.

– У аппарата! – «по-старорежимному» ответил Немков на входящий вызов.

– Добрый вечер, Роман Олегович! – раздался в трубке голос Елены Николаевны. – Извините за поздний звонок, – виновато произнесла она, видимо, бросив взгляд на часы, – не разбудила?

– Нет, – ответил, широко улыбаясь, Роман, словно Елена Николаевна стояла рядом – ему нравились такие женщины, а мужчиной он был одиноким, – не разбудили. Что случилось, Елена Николаевна? – обеспокоенно произнес он. – Это маньяк еще кого-то убил?

– Сплюньте, – рассмеялась «в трубке» Кондратьева.

От её звонкого смеха по коже Романа пробежали крупные мурашки.

Когда последний раз он был близок с женщиной, Немков уже и не помнил. Его обостренные чувства, позволяющие буквально заглядывать в потаенные мысли людей, сводили на нет возможности длительных отношений, а встречи «накоротке», ради банальных суетливых потрахушек он «не уважал».

– Слава Богу, все в порядке! – успокоила Романа Елена Николаевна. – Я просто хотела вас предупредить...

– О чем же? – спросил Немков.

– Все жертвы Вивисектора – синестеты. Вы – тоже! Будьте осторожны, Роман Олегович! – произнесла она. – Берегите себя!

Немков, даже, невзирая на расстояние, разделяющее собеседников, несмотря на отсутствие визуального и тактильного контакта, почувствовал, что она действительно этого желает. Может быть, но ему на мгновение показалось, что между ними возникло нечто большее, чем обычная вежливость.

– Я постараюсь, Елена Николаевна, – пообещал Немков.

– Тогда, спокойной ночи? – полувопросительно произнесла Кондратьева.

– Спокойной ночи! – ответил Немков. – Елена Николаевна... – неожиданно решился он – пусть летит к чертям его затянувшееся одиночество!

– Да, – поспешно отозвалась собеседница.

– Вы не против... – он слегка «запнулся», – поужинать со мной завтра?

– С удовольствием! – произнесла Кондратьева. – Только давайте мы с вами договоримся завтра о месте и времени, – предложила она, – мне нужно будет скорректировать свой график...

– Я понимаю, служба, – пришел ей на помощь Роман. – Если позволите, я позвоню вам вечером.

– Буду ждать, – по-военному четко ответила Кондратьева. – Спокойной ночи, Роман Олегович!

– Спокойной ночи, Елена Николаевна!

Телефон отключился, но Роман продолжал держать его у головы, словно боясь разорвать связь, так неожиданно возникшую между ними: замкнутым ассоциалом-синестетом, живущем в своем мирке, отгороженном от остальных людей высоким железобетонным забором, и суро-

вым следователем, начальником отдела по расследованию особо тяжких преступлений. Наконец, он положил телефон на полочку рядом с кроватью, разделся, нырнул под одеяло и закрыл глаза. От мыслей о Елене Николаевне на него напала сладкая истома, в таком «приподнятом» настроении Немков давно себя не чувствовал. Он закрыл глаза и почти мгновенно уснул, отрезившись от всех негативных ощущений, связанных с его необычной нервной системой. Во сне к нему явилась Кондратьева в легком ситцевом платье, соблазнительно облегающим её спортивную фигурку...

Пробуждение было тяжелым, если не сказать хуже – просто отвратительным: в голове, разламывающейся на куски, фигачил, по-иному не скажешь, не меньше, как паровой молот на угольной «тяге». Иначе, чем объяснить во рту этот терпкий привкус спекшегося в топке шлака. Да и в саднящую глотку, не иначе, как плеснули раскаленного свинца. Немков помотал головой, облизнул распухшим языком потрескавшиеся губы и с трудом разодрал слипшиеся веки. Не стоит говорить, что увиденное его не обрадовало, а попросту поставило в тупик. Ведь заснул он дома, в своей постели, а проснулся незнамо где. И с первой попытки опознать, где же он все-таки очутился, не удавалось.

– Где я? – помотав головой, в попытке избавиться от наполнявшего её тумана, просипел он, но ответа не получил. – Эй, есть кто-нибудь! – с трудом выдавил он, напрягая саднящее горло. Но ответа не было.

Кое-как сфокусировав разбегающиеся во все стороны глаза, Роман огляделся: но нет, в этом помещении он никогда не был. Вот только запах... знакомый запах... Но Немков никак не мог сосредоточиться и вспомнить – мешал молот, продолжающий крошить изнутри черепную коробку. Окружающее его пространство было белым, предметы блестели полированным металлом и, раскачиваясь, уплывали в туман, едва он старался сосредоточиться. И запах! Он не давал покоя, будоражил сознание Романа, словно пытался предупредить о чем-то важном. Но о чем? О чем? Первым отчетливым запахом, который Немкову удалось идентифицировать, был едкий запах хлорки, либо какого-то дезинфицирующего средства на её основе. Следом – запах спирта и каких-то лекарств. А вот с осознанием очередного запаха, затертого, практически уничтоженного первыми, картинка сложилась! Тонкий, едва ощутимый аромат крови, поставил все на свои места – так пах только один человек, с которым Роман даже не встречался ни разу в жизни – маньяк-Вивисектор.

– Твою горбушу! – вяло выругался Роман, пытаясь подняться на ноги.

Но не тут-то было – его тело оказалось жестко зафиксировано, и почему-то в сидячем положении. Жалкие попытки вырваться, ни к чему не привели – по всей видимости, он намертво был пристегнут к какому-то креслу крепкими ремнями. Причем не только по рукам и ногам, но и в районе груди и живота – там тоже что-то неприятно сдавливало. Точнее он сказать не мог – зрение, да и остальные органы чувств до сих пор сбоили. Ничего не достигнув, Роман решил попросту перевернуть кресло, к котором убыл пристегнут. Но и эти попытки потерпели полное фиаско – кресло оказалось привинчено к полу, ну, или обладало такой тяжелой станиной, что Немкову не удалось сдвинуть её с места ни на миллиметр. Устав трепыхаться, словно попавшая в паутину бабочка, Роман без сил повис на ремнях.

– Ты посмотри-ка на это, болван? – услышал он незнакомый голос, обращающийся к кому-то невидимому. – Так быстро в себя после моего «вырубатора» еще никто не приходил!

– Уточняю запрос: смотреть на что? – раздался «механический» голос, как будто сгенерированный синтезатором речи. – Что «это»?

– Заткнись! Тупица! – выругался человеческий голос. – И не вякай, пока я не разрешу! Как же мне не хватает настоящих макронейронных сетей...

Немков услышал приближающиеся шаги, как будто кто-то шел к нему по полу, покрытому керамикой. Какая-то тень упала на лицо Романа, и он приоткрыл глаза, вновь пытаясь

сфокусировать разбегающиеся зрачки. Размытое мужское лицо, рубленые черты лица, короткие седоватые волосы. А узнаваемый запах позволил определить обладателя всего этого набора – Вивисектора.

– Ага, – довольно произнес Вивисектор, – коктейльчик еще действует!

Он ухватил Романа пальцами за левое веко и, оттянув, заглянул в зрачок:

– Ты меня слышишь, родной?

– Слышу! – едва слышно прошелестел Немков, с трудом ворочая шершавым, как крупная наждачная бумага, языком.

– Ща полегчает, – пообещал Вивисектор. – Болван, впрысни этому куску мяса пять кубиков «бодрящего».

Где-то рядом зашумел электропривод насоса, и Роман почувствовал легкое жжение в районе локтевого сгиба правой руки. Через мгновение в его жилы словно пустили целую реку кипящего масла. Пробежав огненной волной по венам, оно взорвалось в голове атомной бомбой, растворив в чудовищном приступе боли паровой котел, разламывающий до сего момента голову Немкова. Однако приступ быстро схлынул, принеся долгожданное освобождение от боли. Тело наполнилось приятной энергией и легкостью. Восстановилось зрение, теперь Роман мог с легкостью рассмотреть маньяка, который, в свою очередь, с довольным видом разглядывал прикованного к креслу Романа, как энтомолог приколотую булавкой к доске редкую букашку.

– Полегчало? – осведомился маньяк.

– Спасибо, полегчало! – не до конца придя в себя, вежливо, по привычке ответил Немков, будучи человеком культурным.

– Отлично! – обрадовался седоволосый. – Мой «вырубатор» не все хорошо переносят, – доверительно, словно старому приятелю сообщил он. – Но зато нагрузка на нейронные мозговые связи при этом минимальная! А твои нейронные связи меня сейчас интересуют больше всего на свете! Болван, десять кубиков витаминного коктейля, пять выводящего шлаки и трещечку «расслабляющего».

Когда лекарственная волна, впрыснутая невидимым Болваном, схлынула и скатилась каплями выступившего на лбу пота с кончика носа. Немков наконец-то сумел немного осмотреться: он находился в каком-то помещении, до безобразия похожим на стерильную операционную какой-нибудь дорогой и инновационно-технологической клиники. Изобилие перемигивающихся лампочками приборов поражало воображение! Осмотрев себя (голова Немкова оказалась не пристегнутой, и пока свободно двигалась), Роман заметил идущие от одной из машин прозрачные трубки, которые при помощи игл и катетеров вливали в его организм какие-то разноцветные жидкости.

– Зачем мы вам? – недрогнувшим голосом произнес он.

– Мы? – Вопросительно приподнял одну бровь Вивисектор. – Кроме тебя здесь никого нет. А Болван – мой тупой помощник, недоделанный ИИ – искусственный интеллект...

– Я знаю, что такое искусственный интеллект, – перебил маньяка Роман. – Я имел ввиду нас – синестетов. Вы ведь тот самый маньяк? Вивисектор?

– Вивисектор? – неожиданно развеселился маньяк. – Меня так зовут в вашей среде?

– Так вас зовут следователи «убойного отдела». Вивисектор. Так зачем вы убиваете нас? Какую цель преследуете? Ведь это противоестественно человеческой природе!

– О, как? – фыркнул Вивисектор. – Мясо меня учить уму-разуму будет? Какая тебе разница? Ты же все равно скоро сдохнешь?

– Это не ответ, – не поддался «на провокацию» Роман. – Всему есть причина. Вы не похожи на человека, убивающего ради собственного удовольствия.

– Хочешь сказать, что убийство ради убийства – не мой метод? – заинтересовался маньяк.

– Нет, это я могу утверждать со всей ответственностью. Я – синестет с большим стажем и большим букетом особенностей, с которыми сам еще не до конца разобрался, но иногда, чисто интуитивно, я чувствую нужное направление.

– К слову о твоих особенностях, – доверительным тоном произнес Вивисектор, – таких, как ты, я еще не встречал! Ты просто уникал! Я даже не предполагал, когда делал свои расчеты, наличия такого количества нейронных связей в твоей голове, причем, в совершенно немислимых интерпретациях! Ты просто подарок судьбы! Ты мне нравишься, Роман Немков, – неожиданно признался маньяк.

– Простите, почему? – не удержался Роман.

– Хорошо держишься: не кричишь, не бьешься в припадке, не сходишь с ума и не ссышься. Один из ваших, тот просто обосрался – душок был жуткий, хотя я и привычный к такого рода запахам... Так кто я, по-твоему? – неожиданно вернулся к предыдущей теме Вивисектор.

– Вы похожи на спятившего ученого... – произнес Немков, собираясь с мыслями по обоснованию собственного предположения. Но этого не потребовалось.

– А ты действительно особенный! – воскликнул маньяк. – Значит, мне повезло! Везение – такая эфемерная субстанция, ухватить которую «за хвост» – большая удача... Хм, тавтология какая-то выходит... – на секунду затупил Вивисектор. – Ну, не суть! Я действительно ученый, ты угадал.

– То есть, все эти убийства – какой-то эксперимент? Вы хотите выяснить, как работает мозг синестета? Чего вы хотите добиться, если выясните это? – Вопросы посыпались из Немкова, как из рога изобилия.

– Нет, – покачал головой маньяк, – моя цель не там, где ты её ищешь... Совсем не там...

– Так расскажите, – попросил Роман, – я все равно ведь умру и никому не выдам вашей тайны.

Маньяк на секунду задумался, а после развернулся и вышел из операционной. Немков уже решил, что Вивисектор раздумал с ним общаться и уже готов распотрошить его голову, как тот вернулся, толкая перед собой одной рукой офисное кресло на колесиках, а во второй сжимая откупоренную бутылку дорогого коньяка. Поставив кресло перед Немковым, маньяк уселся на него, закинул ногу на ногу и отхлебнул лошадиную дозу коньяка прямо из горлышка.

– Хорошо! – прорычал он, оторвавшись от бутылки. – Вот что хорошего у вас есть – это добрый, выдержанный коньяк! Я буду скучать по нему, когда вернусь!

– На вашей родине нет хорошего коньяка? – поинтересовался Роман, чтобы поддержать беседу.

– На моей родине нет вообще никакого коньяка, – ответил Вивисектор, вновь прикладываясь к горлышку. – Потому что там не растет виноград, там вообще мало что растет... – Он сделал его пару глубоких глотков, опустошив бутылку больше чем на две трети. – Я расскажу тебе, хоть ты и лабораторное мясо, – Маньяка слегка развезло и потянуло на откровенности. – Меня зовут Хараст фон Рум, и я – профессор, доктор магической маго-био-некро-инженерии, до академика, правда, пока не дотянул...

– Постойте! – грубо прервал душевный порыв Вивисектора Роман. – Какая еще маго-био-некро-инженерика?

– Думаешь, что у меня действительно кукуха слетела? – Маньяк громко икнул и неожиданно подмигнул Роману.

– Наверное... – не стал отрицать Роман.

– Приходилось мне и в дурике сидеть, и не один раз, – признался Вивисектор. – Думай, что хочешь, – отмахнулся он, в один глоток всаживая остатки алкоголя. – Только я, дружок, из другого мира!

– В смысле? – не понял Немков. – Из какого другого? Пришелец из космоса?

– Почему же из космоса? – даже как бы и «обиделся» фон Рум. – Блин, ну ты, че, пацанчик, – неожиданно тоном заправского гопника произнес Вивисектор, – книжек не читаешь? Неужели ничего не слышал о множественности миров?

– Параллельные или альтернативные?

– Ну вот, хоть разобрались, наконец! – Вивисектор облегченно выдохнул в лицо Роману тонким ароматом свежеупотребленного коньяка.

– Значит, вы – пришелец из альтернативного мира?

– Да, – ответил Хараст, поднимаясь из кресла, – ты подожди, я сейчас.

Он нетвердой походкой вновь покинул операционную и вернулся с очередной бутылкой коньяка в руках.

– Не поверишь, – произнес он, отхлебнув очередную дозу спиртного, – первый раз за восемьдесят лет беседую «по душам»! И с кем? С лабораторным мясом! Дома бы меня не поняли! – плаксиво произнес он, отхлебнув еще раз.

«Поплыл, – решил про себя Роман, – надо его еще раскачать. А там, глядишь, и подвернется какой случай!»

– Сколько вы сказали? Восемьдесят? Сколько же тогда вам?

– Хм... – задумался профессор-пришелец, поднося к глазам пальцы, и принимаясь их загибать. – Если пересчитать на ваши годы... Сутки к нашему обору... это с коэффициентом... ну, тыщи полторы точно будет, – наконец выдал он долго рассчитываемый результат.

– Сколько? – не поверил Немков. – Полторы тысячи?

– Полторы, – подтвердил заплетающимся языком основательно набравшийся маньяк. – Я заслуженный профессор, доктор наук! Хотя, моем возрасте уже пора обзавестись хозяйством, женой, а то и двумя-тремя... А я всю жизнь у прозекторского стола с ножом, отверткой и паяльником, – пожаловался он Роману. – И чего добился, чего заслужил? Не ценит никто нашего брата, ни у вас, ни у нас! Хорошо, хоть продвинутую макронейронную сеть себе успел вживить... – произнес напоследок маньяк, прежде чем вырубиться в кресле.

Глава 5

Не дожидаясь, пока маньяк очухается, Роман вновь попытался хотя бы немного ослабить ремни, стягивающие его руки, ноги и тело. Состояние Немкова стремительно улучшалось, видимо, сказывалось действие автоматически вливаемых в его жилы лекарств. Голова больше не болела, даже напротив, с каждой секундой его чувства обострились, а мысли становились ярче и четче. В какой-то момент Роман осознал, что все его усилия – напрасны. Он остро чувствовал структуру толстой кожи и крепкий металл застежки. Ремни, не то, что порвать, а даже растянуть не получится! А о поломке застежки, и речи быть не может! Осознав безвыходность ситуации, Роман перестал трепыхаться и зазря тратить силы.

«Нужно что-то срочно придумать! – бились, едва не проламывая черепушку, суматошные мысли в его голове. – И как можно скорее!»

Но в голову, как назло, не приходило ничего достойного.

– Эй! Хараст! – громко окликнул он храпящего маньяка. – Ты меня слышишь?

Но маньяк лишь всхрипнул еще громче и пробурчал «в ответ», не открывая глаз, что-то нечленораздельное.

Пока в отрубе, надо действовать. Но как?

– Болван! – выкрикнул Роман в пустоту, почти не надеясь на чудо. – Отстегни меня!

Но ремни не расстегнулись, и ответом ему была лишь тишина, нарушаемая богатырским храпом полуторатысячелетнего ученого-пришельца. Видимо «недоделанный ИИ» был настроен лишь на голос маньяка, а приказы посторонних попросту игнорировал.

Что делать дальше, в голову не приходило. Помощи было ждать неоткуда, да и не от кого. Он даже не знает, где находится в данный момент. Немков закрыл глаза и откинул голову назад, упираясь макушкой в подголовник кресла.

Немного «помедитировав», он втянул ноздрями порцию стерильного воздуха операционной. Перед закрытыми глазами заплясали зримые лишь ему одному визуальные отображения запахов. Роман постарался «избавиться» от самых сильных: запаха дезинфекции, спирта и крови, а после вычленил хоть одну молекулу воздуха, попавшую в помещение с улицы.

Через некоторое время ему это удалось, несмотря на очистку воздуха в операционной мощными фильтрами навороченной системы кондиционирования воздуха. Очищался, но ведь не на сто процентов! Теперь пришла пора задействовать тяжелую артиллерию, и вычислить местоположение берлоги Вивисектора. А дальше посмотрим...

Перед закрытыми глазами Немкова развернулась трехмерная «карта времени». Понемногу откручивая её назад, он старался понять, что могло с ним происходить во время беспмятства, вызванного «вырубатором» маньяка. Невзирая на то, что в момент похищения Немков находился в бессознательном состоянии, его мозг в это время должен был продолжать «работу» и анализировать информацию, пускай и в ограниченном объеме. Значит, если как следует напрячься, можно раскрутить всю цепочку событий, произошедших с ним до прихода в сознание.

У обычного человека, наверное, ничего и не получилось бы. Но дело в том, что Роман не был обычным. Вся жизнь он тяготился своей особенностью, считал, что она отравляет ему жизнь. Но вот пришла пора, когда от того, сумеет ли он что-нибудь сейчас сделать, зависит сама жизнь.

Да, как и надеялся Немков, его мозг все зафиксировал, несмотря на владельца, находящегося в полном отрубе. Карта с временной шкалой осталась где-то на границе сознания, а вместо неё перед закрытыми глазами развернулась подробная карта города. Та самая молекула, залетевшая в операционную с улицы, подсказала место, где он находится. «Откручивая» время назад, он следовал по маршруту Вивисектора до самого своего дома.

Но что это даст? Немков задумался. Как сообщить о себе? Кому, а самое главное – как передать «крик о помощи»? Вот он я! Здесь! Спасите, дорогие товарищи! Нет, все зря...

Роман едва не опустил руки, когда его накрыло красочное видение: Елена Николаевна в окружении своих подчиненных сидела на корточках перед очередной жертвой преступления – светловолосой девушкой с кровавой раной вместо одного глаза.

«Я здесь! Спаси!» – мысленно рванулся к ней Роман, но видение погасло, оставив стойкую тупую ломоту в районе темечка.

Кондратьева сидела на корточках у скрюченного тельца светловолосой девушки, найденной в подворотне сегодняшним утром. Наблюдая за профессиональными действиями Пал Палыча, колдующего над окровавленной глазницей трупа, она старалась отвлечься, не дать засосать себя в пучину переживаний и рефлексий. Ей до слез было жаль эту молоденькую блондинку, которая и не пожила-то толком на свете. Старалась не думать о том, что кому-то из её команды придется поехать и сообщить о случившейся трагедии родственникам погибшей...

«Так, хватит!» – остановила она себя мысленным окриком, почувствовав, что все-таки «тонет». – Это твоя работа, не больше и не меньше!»

Слегка тряхнув головой, она отвела глаза от мраморного, залитого кровью лица погибшей девушки и окликнула Пирогова:

– Что скажешь, Пал Палыч?

– Даже не знаю, что и сказать?.. – Наверное, во второй раз за всю свою карьеру в полиции, Елена Николаевна слышала такие слова от умудренного опытом эксперта.

– Пал Палыч, я тебя не узнаю! – произнесла в изумлении Кондратьева.

– Не Вивисектор и ладно! – заявил присоединившийся к их «теплой» компании капитан Нестеренко.

– Не Вивисектор, – согласился Пирогов, – но от этого мне легче не стало!

– А в чем дело, Пал Палыч? – любопытствовал Петр. – Убийство, как убийство... Ну, – он пожал мощными покатыми плечам, – разве что таким странным способом – ножом в глаз.

– Если бы все было так просто, как видится, – печально вздохнул Пирогов, предчувствуя прорву предстоящей работы. – Во-первых – орудие убийства...

– А что с ним не так? – перебил его Нестеренко.

– Это не нож. Лезвие для такого инструмента слишком утолщенное, – пояснил криминалист.

– А как вы узнали? – спросила Елена Николаевна. – От глаза мало чего осталось.

– Видите ли, голубушка моя, – тыльной стороной ладони поправил очки Пал Палыч (он единственный, кто позволял себе называть «железную леди» отдела «по особо тяжким» голубушкой), – при ударе в глазницу орудием убийства пробито большое крыло клиновидной кости. Если бы кость пробил ножом, входное отверстие было бы узким. А что мы имеем на данный момент? – риторически спросил Пирогов.

– Что мы имеем на данный момент? – словно попугай переспросил Нестеренко.

– А мы имеем большое, совсем даже и не плоское отверстие. Рана предположительно нанесена четырехгранным лезвием, наподобие морского офицерского кортика.

– Ну, это существенно сужает поиски, – произнесла Елена Николаевна. – Морские кортики не у каждого водятся, а вот ножи – на каждой кухне.

– Я бы так сильно не разгонялся, – скептически произнес криминалист, – поскольку орудие убийства – это малость по сравнению с остальным... Я даже не знаю, как сказать... Боюсь ошибиться без вскрытия... Просто немислимое дело!

– Пал Палыч, да говори уже! – жестко потребовала Кондратьева. Когда это было нужно, она умела становиться той самой «железной леди», которую опасался весь отдел. – Я твоему мнению доверяю, таких экспертов еще поискать!

– Мне, конечно, очень лестно, – довольно произнес Пал Палыч, – но этот случай выходит за рамки всего, с чем я когда-либо работал. Такое ощущение, что в её голове взорвалась маленькая бомба! Мозг полностью разрушен, как будто его пропустили через мясорубку, либо взбили в блендере! Вот, извольте посмотреть, – он указал на засохшие кровавые дорожки, тянущиеся из ноздрей до самого подбородка. – Часть мозгового вещества даже выплеснулась из носа! Я себе даже не представляю, с помощью какого-такого инструмента можно проделать такую операцию? Больше мне, к моему глубочайшему сожалению, – он виновато развел руками, – нечего сказать! Все остальное – после вскрытия, в отчете! За сим откланиваюсь, а вы уже тут ломайте голову сами, а моя «крыша» уже уехала «на утреннем экспрессе»!

Пал Палыч, кряхтя поднялся с корточек, стянул с рук испачканные запекшейся кровью одноразовые перчатки. После положил их в пластиковый пакетик, который бросил в стоявший рядом потертый кожаный саквояж. Любил престарелый эксперт пользоваться этой винтажной вещицей, судя по «потасканному» виду, принадлежащей какому-нибудь земскому доктору начала 19-го века. Пирогов приподнял шляпу и, похрамывая отсиженными на корточках ногами, пошел к выходу из подворотни, где был припаркован служебный автомобиль.

– Че ж это за неvezуха такая? – в сердцах произнес Нестеренко. – То Вивисектор продохнуть не дает, то вот это...

– Петя, не кошунствуй! – прервала его жалобное рефлексирование Кондратьева.

– Жив-здоров? Значит, все нормально! Это вот ей, – она указала на труп, – не повезло!

Она тоже начала подниматься с корточек на ноги, когда её «повело». Нестеренко едва успел ухватить начальницу за рукав, чтобы она не свалилась на тело жертвы убийства. Невесть откуда навалившееся головокружение и гул в ушах на мгновение лишили Кондратьеву возможности ориентироваться в пространстве. Перед глазами все «поплыло» и смазалось налетевшим «туманом». Затем туман на секунду разорвало, и она «увидела» Немкова, пристегнутого ремнями к какому-то креслу. Их глаза встретились, а губы Романа шевельнулись в немом крике «СПАСИ!!!», а после все вновь заволокло туманом.

– Елена Николаевна! Товарищ майор! – Тормошил неожиданно побледневшую начальницу Нестеренко, пытаясь заглянуть ей в глаза. – Что с вами? Вы меня слышите?

– Слышу, Петя, слышу, – прошептала Кондратьева, опираясь на твердую руку капитана. – Что-то вдруг мне нехорошо стало, – призналась она.

– Эх, не бережете себя, товарищ майор! – воскликнул Петр. – Вам бы в отпуск! Отдохнуть, выспаться... Нервишки, вон, ни к черту!

– Какой отпуск, Петя, когда такое творится? – выдохнула она, доставая телефон дрожащей рукой и набирая номер Немкова.

Гудок, еще, и еще... Но «на том конце провода» трубку никто не снимал. Абонент, не абонент, как шутят некоторые.

– Петя, – произнесла Елена Николаевна, постепенно приходя в себя. – Запроси геолокацию телефона Немкова.

– Зачем? – бесхитростно удивился Нестеренко.

– У меня такое предчувствие, – все еще сомневаясь в сказанном, произнесла она, – что он у Вивисектора...

Спустя час накачавшийся элитной «кониной» Вивисектор завозился на кресле, пытаясь устроиться поудобнее. Кресло опасно накренилось, а после и вовсе перевернулось.

Аргх! Пришелец основательно приложился мордой о кафельный пол. Но тут же подскочил на ноги и, сжав кулаки, бешено заревел:

– Не подходи, сука, всех завалю!

– Не беспокойтесь, Мастер, вы в безопасности! – неожиданно подал голос, молчавший до этого ИИ. – Вы дома!

– А? – Хараст «осекся» и замолчал, видимо, «срастив» сон и действительность. – Я опять нажрался?

– Да, Мастер, – произнес синтетический голос Болвана.

Немкову показалось, что в голосе ИИ даже проскочили обиженные нотки. Но скорее всего, это было не так.

– А ты куда смотрел, Болван? – разгневанно спросил маньяк.

– Вы запретили мне вмешиваться, Мастер! – парировал ИИ.

– О, отрыжка Нерхала! – схватившись за голову, выругался пришелец. – Ну почему меня всегда окружают дебилы? Как же мне не хватает моей нейросети! Уж она бы не допустила, чтобы я нажрался до такого скотского состояния!

– О какой нейросети вы все время говорите? – спросил Немков.

– А, это ты? – вспомнив о пленнике, произнес Хараст. – Нейросеть в моем мире это... это... – запнулся он, пытаясь подобрать сравнение, но винные пары не давали ему как следует сосредоточиться. – Это все! – не придумал он ничего лучшего.

Пришелец подошел к Немкову и выдернул из его вены иглу, к которой вела прозрачная трубка. Не утруждая себя её заменой, он воткнул иглу в собственную руку, и скомандовал:

– Подлечи-ка меня, тупица!

Ожил компрессор, и по трубкам побежала какая-то сиреневая, слегка светящаяся жидкость. Подвинув к себе ногой кресло, чокнутый профессор с махом шлепнулся на его мягкую подушку. Его состояние улучшалось прямо на глазах, ко всему прочему, он быстро трезвел, превращаясь в жесткого безжалостного маньяка.

– Так что же такое нейросеть? – вновь напомнил о себе Немков. – Вы так и не рассказали?

– В первую очередь, нейросеть помогает оперировать Магией тем, у кого нет врожденных способностей, или кому лень гробить тысячелетия жизни, кровью, потом, соплями, медитацией и закалкой духа прокачивая духовные и биологические каналы...

– Магия? – Немков подумал, что ослышался. – Вы сказали магия?

– Что случилось с твоим слухом, мясо? Да, я сказал Магия! Магия, рогатую голову Регрида мне в зад! Мне «повезло» застрять в вашем гребанном мире, начисто лишенным Магии! Будь она здесь, все можно было бы устроить по щелчку пальцев... Хотя нет, без нейросети мне все-равно бы пришлось повозиться, – буркнул он себе под нос. – Но благодаря Первопроходцам-старателям клана Созидающих, её здесь не осталось ни эльма!

– Вы хотите сказать, что раньше на земле существовала магия?

– В этом нет никаких сомнений, – кивнул Хараст. – Ваш мир довольно молод, и в нем должен был быть хотя бы один Источник. Но Магии нет! Ноль, зеро! Нет, и все тут!

– А почему вы думаете, что её забрали какие-то там старатели?

– Ну куда-то же она должна была деться? – словно само собой разумеющееся, выдал пришелец. – А что это были Созидающие – к бабке не ходи, а взгляни на ваши «священные», – пренебрежительно произнес он, – тексты: Библию, Тору, Каббалу. Да в них же дано четкое описание клановой иерархии Созидающих в зависимости от сферы энергий: Ишимы, Начала, Господства, Силы, Власти, ну и так далее, до самых Хайот Ха-Ходешей – Святых Живых Созданий! Ха, пока Созидающие разрабатывали Источник, они у вас почитались за богов! А потом Источник иссяк, и великодушные боги ушли, оставив «своим детям» лишь «святые писания»! И теперь ваш мир даром никому не сдался! А мне нужно поскорее вернуться в свое тело...

– Так вы еще и не в своем теле? – Сведения, вываливаемые маньяком на Немкова, принимали все более и более фантастические обороты.

– А как ты думаешь, я лишился своей вживленной нейросети? В лаборатории что-то пошло не так, и мой дух выбросило из моего же тела, перенеся хрен знает на какие задворки Веера Миров! Хорошо еще, что вселило в какого-то полудурка из психушки, а то бы еще пришлось скитаться бесплотным духом до скончания веков! Как тебе перспективка? Знаешь,

сколько я угробил сил и времени, чтобы привести это тело в порядок? Чтобы оно могло протянуть лет двести без использования Магии? Хорошо, что в юности, еще не пойдя по научной стезе, я пытался стать настоящим адептом-воином... Не вышло, не было задатков, но кое-что о практиках укрепляющих тело я узнал! Ладно, – вырвав из вены иглу и отбросив её в сторону, произнес Хараст, – за работу! Знал бы ты, как я хочу вернуться домой! В свое привычное тело, практически не подверженное болезням и старению! К своей верной нейросети!

– Последний вопрос! – пытаюсь как можно дольше оттянуть страшный момент, воскликнул Немков. – Причем здесь мой мозг и ваше возвращение домой? Я должен знать, хотя бы перед смертью! Последнее желание! – совсем отчаявшись, попросил Роман.

– Что ж, вполне себе вменяемая просьба, – согласился с доводами Немкова пришелец. – Хотя, я тут у вас за пробежавшие годы уж очень сильно очеловечился – надо отвыкать разговаривать с мясом! Слушай: попал сюда восемьдесят лет назад, я оказался в очень затруднительном положении – отсталая планета, недоразвитые технологии и абсолютное отсутствие Магии! Как по мне – так полная жопа! Ладно, до развития технологий, чтобы я смог построить аппарат, способный вернуть меня назад, по моим расчетам оставалось не так-то уж и много времени. Можно подождать. А вот Магия... До сих пор даже высшие иерархи Созидающих не разобрались, что это такое, откуда изначально берется? Предположений много, но результат нулевой. Я, в частности, работал над решением этой проблемы в своей лаборатории, когда все и произошло... Магия, – продолжил он свой рассказ, – на сегодняшний момент, и так было всегда, продукт конечный, разовый, никто не умеет её вырабатывать. Поэтому Созидающие и держат целый круг Первопроходцев-старателей, вычисляющих молодые миры с Источниками, и обчищает их под ноль. Однако, совсем под ноль ничего зачистить невозможно, остается пыль, миллиардные доли эльма, рассеянные по всей планете, а то, и по всей галактике! Но иногда, как шутка природы, раз, наверное, в миллионы лет, рождаются организмы, способные накапливать и преумножать магию. Это, кстати, одна из теорий происхождения Источников... К примеру, второй по силе полюс моего мира – клан Шедимов, содержит в заточении некое Существо Высшего Порядка, обладающего такой способностью. Оно – постоянный Источник их Магии.

– А причем здесь я? – спросил Роман.

– Твой мозг, приятель, тоже обладает схожей способностью накапливать Магию! Правда, в мизерных количествах, но я надеюсь, что её хватит на перенос...

– Так может... подождать? – Надежда на спасение вспыхнула с новой силой. – Пусть накопится побольше этой самой магии, чтобы наверняка...

– Я устал ждать! – рявкнул Хараст. – Хватит болтать, пора за работу! Но ты не бойся, я не буду грубо копошиться в твоей голове – если не получится с первой попытки, вдруг что-то останется на вторую...

Ученый-пришелец сдернул с головы седоволосый парик. К изумлению Немкова, его блестящая и абсолютно лысая голова оказалась «оборудована» множеством разъемов-контактов, вживленных непосредственно в череп. Хараст подошел к агрегату, к которому тянулись прозрачные трубки, через которые некоторое время назад вливались лекарства в жилы Романа и вытянул из его чрева пучок изолированных пластиком проводов, оканчивающихся неким подобием металлических штекеров.

– Ну-с, – произнес маньяк, – поехали!

Металлические штекеры один за другим со щелчками заходили в гнезда контактов на голове пришельца. Машина загудела, выдвигая консоль с трехпальцевым манипулятором, остановившимся над головой Романа. Манипулятор опустился, захватывая голову Немкова в железные тиски. По прозрачным трубкам вновь побежала какая-то жидкость.

Со стороны манипулятора послышалось какое-то жужжание, а после Роман почувствовал какую-то неприятную «дрожь», как при сверлении зубов в стоматологическом кабинете. Только сверлили сейчас не его зубы, а череп. Сверло вгрызалось в кость, но боли не было.

Видимо лекарства чокнутого профессора были эффективнее всех известных Роману болеутоляющих, и позволяли «пациенту» оставаться в сознании во время операции. Хотя бытует мнение, что кости черепа и головной мозг сами по себе «не чувствуют» боли, но так ли это на самом деле, Роман не знал. Да и не хотел бы узнать!

Момент, когда сверло прошило теменную кость, он действительно не почувствовал, как не почувствовал и внедрение в мозг многочисленных микродатчиков, раскинувших свои сети на уровне нейронных связей. Лишь легкий дискомфорт, небольшое головокружение – и все.

А вот профессору наоборот «поплохело», по крайней мере, так показалось Роману. Пришелец слегка «сбледнул» и пошатнулся. Уцепившись рукой за спинку кресла, он подтянул его к себе и «скоропостижно» упал на подушку, где и замер, откинув голову и закатив глаза. Жгут разноцветных проводов, подключенных к разъемам его черепушки, рассыпался, словно длинные распущенные волосы по плечам.

– Совершен вход в режим слияния, – раздался металлический голос Болвана. – Начинаю обратный отсчет: десять, девять, восемь...

Роман почувствовал нарастающее давление в голове, но больно не было. Просто немного мутило и подташнивало, как будто кто-то помешивал в его черепе ложкой постепенно разжигающиеся мозги.

– ... семь, шесть, пять... – не останавливаясь, продолжал отсчитывать секунды ИИ.

Неожиданно где-то рядом сильно гроыхнуло. Роман дернулся от резкого звука, но голову повернуть не смог – она было крепко зафиксирована в манипуляторе адской машины пришельца. Он лишь сумел зацепить краешком глаза стремительно распространяющийся по операционной клуб пыли.

– ... четыре, три, два...

– Всем лежать! – скомандовал грубый голос. – Работает ОМОН!

Маньяк, погруженный в транс, названный Болваном режимом слияния, отреагировал, но как-то вяло. Едва он попытался подняться с кресла, его голова взорвалась веером кровавых брызг – у кого из бойцов ОМОНа не выдержали нервы.

– ...один. Сигнал обнаружен. Канал передачи выстроен...

И мир для Романа померк.

Глава 6

По темным коридорам фамильной усыпальницы баронов фон Рум, соблюдая все мыслимые и немыслимые меры предосторожности, крались двое: первый – умудренный годами профессиональный вор Равид, невысокий коренастый коротышка с поеденной язвами физиономией, сломанным в трех местах приплюснутым носом-картошкой и маленькими глубоко посаженными глазками, по кличке Рябой и его молодой «напарник» – Дорик, худой, нескладный и угловатый, как пообтрепавшееся пугало, но вместе с тем подвижный и вертлявый субъект, откликающийся в Выжженных Пределах, извечной вотчины воря, наемных убийц, попрошаек и прочего криминального сброда, на погоняло Оторва.

– Да говорю тебе, не ссы, папаша, никто нас тут не запалит! – горячо шептал Дорик на ухо своему наставнику и учителю, застывшему у очередной развилки усыпальницы. – Я уже лет пять, как сюда тропочку протоптал...

– Нишки, мелкий! – зашипел на Оторву Равид. – Если до этого не спалился, это не значит, что и в этот раз пронесет!

– Да ладно тебе, Рябой, – вальяжно протянул Дорик, – я фартовый!

– Дурной ты, – презрительно сплюнул на пол Равид, – и кони двинешь так же, по-тупому. Запомни, сямка мелкокалиберная, осторожность в нашем деле никогда не бывает лишней!

– Да запомнил, запомнил, – тихо прошептал Дорик, закатив глаза – достал уже этот брюзга своими нравоучениями! – Пойдем, что ли? – спросил он напарника. – А то до утра не управимся!

– Не видно же ни хрена! – пожаловался Равид. – Темно, хоть глаз коли!

– Так я ж говорил: абгрейдь темновизары! Они у тебя устарели давно!

– Ты знаешь, сколько барыги за последнее обновление просят? И это за пиратку!

– А то ж! Но если хочешь не напрягать моргалы в темноте – чехлись, Равид!

– Поиздержался я в последнее время, – признался Равид напарнику. – Старый я стал, для таких вот наскоков. Прошло мое время... Похоже, завязывать пора.

– С катраном те завязывать пора, Рябой! – Не проникся жалобами старшего напарника Оторва. – Много Сизому заторчал?

– Одним скоком не отработать... – Печали Равида не было предела. – Пообещал, если долг за три дня не верну – Шедимам продаст, на восьмой круг черпальщиком.

– Не ссы, Рябой, возьмем мы сегодня чего-нибудь на скоке! – пообещал Дорик. – Глядишь, и отобьем твои долги! Оторва добро помнит! А меж собой позже сочтемся!

– Твои бы слова, да Эль-Шаддаю в уши! – с надеждой прошептал Равид. – А ваще, от души, Дорик!

– Хорош трындеть, старый, пора дела разруливать! Пусти-ка меня, я нужную для дела матчасть вовремя обновляю!

Равид подвинулся, пропуская вперед молодого напарника. Тот осторожно выглянул из-за угла и пару минут внимательно пялился в темноту.

– Я ж говорил, нету тут никого! Я и до этого уже здесь шарился, только ничего особо ценного утащить не удалось.

– А с чего ты взял, что сейчас удастся ценным хабаром разжиться?

– Так я уже нашел, только в одного не упереть!

– Артефакты? – оживился Рябой.

– Круче бери! На одной из усыпальниц защита слетела! Мне случайно повезло наткнуться!

– Нетленные мощи одного из баронов? – предположил, не смея поверить в столь крупную удачу, Равид.

– Представляешь, сколько наварим, если по частям распродадим? – размечтался Дорик. – Они же поголовно магией пропитаны, как свадебный торт ракиным сиропом!

– А, вот в чем фокус! – догадался Рябой. – Так ты меня только поэтому с собой и взял, что один этого жмура дотащить не сумеешь?

– Конечно! – Не стал скрывать молодой вор. – Одному не управиться! Но навар все равно пополам! И долги я тебе помогу закрыть! Не чужой ты мне, Рябой – сызмальства на дела натаскивал, секретами делился. Без тебя мне до Гильдии Ловкачей, как Сартара пешком! Ладно, харе базарить, пора за хабаром выдвигаться.

Они осторожно вылезли в пустой коридор, на всякий случай скользя вдоль одной из стен. Масштабы подземного сооружения поражали воображение: высокие арочные потолки усыпальницы, сложенные из грубого дикого камня, терялись где-то там, в сгущающейся темноте, которую не мог разобрать даже апгрейденный свежеломанным софтом темновизар Дорика. Через равные промежутки вдоль стен стояли вырубленные из гранита и черного мрамора величественные фигуры великих полководцев, мудрецов и ученых, имперских чиновников, достигших высот на ниве управления государством, принадлежащих к древнему, знатному и могучему роду баронов Рум. Выполненные великими скульпторами фигуры казались живыми, настолько точно были переданы в камне мельчайшие подробности, даже в фантастических прическах женщин можно пересчитать отдельные волоски.

– Стой, пришли! – остановил Оторва напарника возле входа в неприметный (по местным меркам) склеп.

На закрытых воротах скромно отделанной усыпальницы пульсировали тонкие нити лазурной паутины запирающего заклинания, грозящего испепелить «незваных гостей», не принадлежащих к голубым кровям баронского сословия и осмелившихся вторгнуться в «святая святых» славного семейства Рум.

Дорик безбоязненно протянул руку, собираясь попросту толкнуть дверь, невзирая на пульсирующую защиту.

– Сдурел? – ухватил напарника за руку Рябой. – Зашибет, а я обратной дороги не найду!

– Спок, дядя! – Не слушая предостережений битого жизнью коллеги, Дорик толкнул дверь, и она бесшумно и приветливо распахнулась.

– Прошу вас, Мастер! – рисуясь, произнес Оторва. – Говорил же, все на мази! Давай за мной! – Он быстрой тенью проскочил в склеп.

Равид настороженно зыркнул по сторонам, хотя с его допотопным темновизаром разглядеть что-нибудь в темноте было нереально, и проскользнул следом за напарником. Дорик резко закрыл за ним дверь, а после зажег в склепе мощный фонарь.

– Сдурел?! – Дернулся к фонарю Равид, с намерением его погасить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.